

Петр Сергеевич Иванов.
Неопубликованные исследования
по истории и культуре Ростова
XVIII – XIX вв.

Подготовка текста, комментарии
Т.В. Колбасовой

Илл. 1. П.С. Иванов. Фрагмент групповой фотографии сотрудников Ростовского музея Древностей. 1924. Частное собрание. Ростов

Петр Сергеевич Иванов¹ (1900 – 1941) (илл. 1) принадлежал к коллективу незаурядных, талантливых сотрудников работавших в Ростовском музее Древностей в 1920-е гг. под руководством Д.А. Ушакова. В силу ряда объективных причин результаты научной работы сотрудников музея этого периода так и не были опубликованы, рукописи в большинстве случаев не сохранились. В связи с этим большую ценность приобретают сохранившиеся работы П.С. Иванова.

Архив Иванова был передан в РФ ГАЯО, сестрой Петра Сергеевича – Верой Сергеевной Ивановой в 1968 г.² Фонд включает восемнадцать дел. Пять из них, как нам удалось установить на основании сохранившихся протоколов заседания Ростовского Общества изучения местного края (далее – РНОИМК), являются докладами, сделанными Ивановым на заседаниях культурно-исторической секции общества.

Организационное собрание культурно-исторической секции РНОИМК состоялось 27 февраля 1924 г. На заседании присутствовали Д.А. Ушаков, А.Н. Кайдалова, Д.А. Иванов, П.С. Иванов, Е.Ф. Стрижников, А.А. Фролова, М.С. Агапитова, Е.К. Сахарова³. Целью заседания было «определение предметов изучения и выработка плана работ по каждому предмету»⁴. После обмена мнениями было принято решение: «в круг изучения включить следующие предметы: 1) раскопчную археологию; 2) бытовую археологию; 3) этнографию; 4) культ; 5) право; 6) историографию; 7) историю; 8) ис-

торию искусств; 9) историю литературы; 10) диалектологию; 11) народное образование»⁵. Д.А. Ушакову было поручено изучение бытовой археологии и этнографии, Д.А. Иванову – вопросы культа и историографии, Е.Ф. Стрижниковой – истории, П.В. Карпову – истории литературы, П.С. Иванову – истории искусства.

«Вместе с тем, отмечено в протоколе заседания секции, – принимается следующий порядок обсуждения докладов: доклады ставятся на очередь заблаговременно, с тем, чтобы все желающие могли подготовиться к их обсуждению; доклады представляются в письменном виде и по прочтении передаются секретарю правления; всякий раз по прочтении докладов открываются по ним прения»⁶.

Через месяц, 20 марта 1924 г., на заседании культурно-исторической секции РНОИМК П.С. Ивановым был сделан доклад о намеченном им плане работ по истории искусства. По мнению Петра Сергеевича, для изучения этого вопроса «необходимо сделать исследования на следующие темы и подтемы:

1. Выработка местного стиля и место этого стиля в русском искусстве.

Подтемы:

А) Крепостное зодчество в Ростове (Кремль, Борисоглебский монастырь).

Б) Церковное зодчество в древнейшее время, зодчество в XVII в.

В) Изучение стилей, оставшихся в Ростове: барокко, классицизм, рококо.

Г) Выяснение вопросов об иконописании в Ростове.

Д) Иконография г. Ростова в картинах и гравюрах.

Е) Составление словаря Ростовских художников. Монография.

Ж) История финифтяного искусства.

З) Ростовские коллекционеры.

И) Скульптура, резьба, фрески, театр.

В первую очередь должна быть произведена регистрация памятников искусства, росписи местных церквей. По возможности фотографирование и зарисовка их, изыскание письменных материалов»⁷.

Предложенный П.С. Ивановым план работы был принят членами секции.

Члены РНОИМК вели активную исследовательскую работу. Через год на заседании секции 16 сентября 1925 г. обсуждался план дальнейшей работы. В протоколе заседания указано, «что имеется подготовленными или находящимися в стадии обработки следующие работы: Е.Ф. Стрижниковой и Е.К. Сахаровой по этнографии Карашской волости (обработан материал по летней экспедиции) – 14 докладов, В.А. Собянина по топографии Ростова 18 ст., Б.К. Спасского об учреждениях Ростова с 1780 по 1917 г. по архивным данным».

П.С. Иванова о Твери, о Ростовском городском саде, о Ростове в описаниях туриста конца 18 ст. и пр. Ввиду обилия подлежащих заслушанию на заседаниях секции докладов постановлено занятия секции устраивать еженедельно, по средам»⁸.

В октябре – декабре 1925 г. на трех заседаниях секции был заслушан доклад П.С. Иванова «Ростов в описании путешественников конца 18 – 1 пол. 19 ст.» Причем в протоколе отмечено: «после нескольких вопросов принимается пожелание о продолжении докладчиком работы над путевыми описаниями Ростова»⁹.

В русле разработанной программы по работе секции в области истории искусств 18 февраля 1926 г. был заслушан доклад П.С. Иванова «Барокко и классицизм в строительстве Ростова»¹⁰.

Доклад не оставил равнодушным присутствующих на заседании. «После нескольких заданных докладчику вопросов, – зафиксировано в протоколе, – о времени построения некоторых памятников, состоянии их в настоящее время, об авторах построек, высказываются Д.А. Иванов о необходимости наблюдения и охраны памятников барокко и классицизма в Ростове, недостаточно охраняемых и гибнущих с каждым годом, указывает на плохое состояние нескольких частных старинных домов и на разрушение старинных памятников на кладбищах. Е.Ф. Ушакова присоединяется к высказанному пожеланию, указывая на гибель многих старинных памятников на Ростовских кладбищах и угрожающее состояние интересных печей начала 19 ст. в д. № 28 по Ленинской. М.Д. Фелицына также присоединяется к высказанным пожеланиям об охране памятников. Д.А. Ушаков возражает против утверждения докладчика о том, что барокко не отразилось в постройках Ионы, указывая, что в некоторых деталях, как в плане построек, соединения частей здания, и Иона испытал влияние барокко. Указывает так же на пропуск в докладе некоторых относящихся к эпохе нарышкинского барокко памятников – стены и башни Белогостинского монастыря и ворота собора, а также характерное для барокко середины 18 ст. убранство церкви Варницкого монастыря и иконостаса Зачатьевской церкви. Отвечая Д.А. Ушакову, докладчик говорит, что, утверждая о независимости строительства Ионы от вкуса барокко, он имел в виду общий характер и стиль построек Ионы. Конечно, в отдельных деталях почти не влияющих на облик здания, веяния барокко сказались, но общий облик построек остался свободным от влияния нового стиля. Докладчик горячо приветствует пожелания о необходимости усиления охраны памятников барокко и классицизма, лежащей на музее, общество в данном случае может оказать музею ценное содействие наблюдением над памятниками. Кроме того, совершенно необходимы регистрация памятников, их зарисовка и фотографирование в особенности тех

памятников, которые, не представляя значительной ценности, не могут быть взяты под охрану музея, между тем и эти памятники, с каждым годом уничтожающиеся, имеют некоторый, хотя бы и бытовой интерес»¹¹.

В результате прений секцией было принято решение «просить докладчика продолжить и расширить работу над изучением памятников строительства 18 и 19 ст. Принять участие в работе над регистрацией памятников, наблюдению за ними и по зарисовкам и фотографированию»¹².

4 марта 1926 г. П.С. Иванова выступил с докладом «Титовский богаделенный дом»¹³. После прочтения «докладчику заданы вопросы о других богадельнях в Ростове и проч. В.А. Собянин дополнил доклад сведениями, что на месте богадельни в 18 ст. стоял кабак, и сзади на месте двора богадельни церковь Сошествия св. Духа. Заслушав доклад Б.К. Спасского «История каменного моста». После нескольких вопросов по поводу обоих докладов высказался С.И. Мельников, отметивший ценность сведений и интерес, вызываемый подобными докладами и рекомендовавший Б.К. Спасскому оформить доклад в небольшой очерк, который будет иметь интерес, и В.А. Собянин, высказавший пожелание о восстановлении истории других сооружений Ростова»¹⁴.

8 апреля 1926 г. на секции был заслушан доклад П.С. Иванова «Материалы по ревизии ростовского городского хозяйства, произведенной И.С. Аксаковым в 1850 г.». Рукопись этого доклада, к сожалению, не сохранилась. Тем не менее, следует остановиться на протоколе заседания, на котором присутствовало 14 членов секции, председательствовал Д.А. Ушаков. После прочтения доклада решались текущие дела. «С.И. Мельников задает ряд вопросов о работе Об-ва по вовлечению новых членов, популяризации работ Об-ва, о культурно-просветительской деятельности Об-ва и др., – зафиксировано в протоколе. – Мельников говорит, что секция должна с своей стороны стремиться к возможно большему числу членов.

Ушаков Д.А., возражая Мельникову, говорит, что секция в настоящее время слишком бедна исследовательскими силами, входящие в ее состав активные работники слишком загружены своими непосредственными служебными работами, незначительное свободное время посвящают исключительно исследовательской работе, не имея времени для популяризационной работы. Если в Об-во вольется много совершенно не подготовленных к работе членов, то от этого пользы, по крайней мере в настоящее время, не будет, т.к. к исследовательской работе они не подготовлены, вести же с ними подготовительную работу некому.

Мельников С.И. говорит о необходимости сделать доклады в секции менее специальными и более широкими и доступными.

Селиванов Н.Н. говорит, что те «замогильные» доклады, которые читаются на секции, вряд ли могут привлечь в секцию новых членов, в особенности молодежь, которой не свойственно увлекаться вопросами далекого прошлого, когда в настоящем есть много интересных вопросов, например развитие радиолюбительства в Ростове и пр. Указывает, что отворачивание в работе секции от текущей действительности преступно, т.к. время идет, многие бытовые характерные для настоящего времени черты изживаются и потом их нельзя будет уже восстановить.

Ушаков Д.А., подводя итоги прениям, говорит, что всю прошлую работу секции, как можно заключить из слов выступавших, нужно признать совершенно бесполезной и перейти к каким-то новым планам в работе.

Такой вывод председателя вызывает возражение Селиванова, который поясняет, что он вовсе не хотел сказать, что вся прежняя деятельность секции бесполезна, но она односторонняя и интересна только для узких специалистов.

Иванов П.С. говорит, что Об-во прежде всего является научным обществом и занимается научными исследованиями, это главная работа и секции, которая объединяет добровольно в свободное время работающих над тем, что им интереснее, членов. Требовать, чтобы эти лица занимались исследованиями о радиолюбительстве, по меньшей мере, смешно, это – задача газетного корреспондента, а не исследователя – члена научного общества.

Смирнова Е.К. говорит, что обвинение секции в ограждении от докладов на современные темы не верно, в секции читаются и доклады, отражающие современность, например доклады по этнографии, кроме того, секция не ставит никаких препятствий и для тех докладов, о которых говорил Селиванов, лишь бы нашлись лица для разработки этих тем.

Мельников С.И. говорит, что некоторые из читанных в секции докладов касались истории Ростова, но освещали только отдельные маленькие детали этой истории, мало интересные для неподготовленных слушателей. Необходимо было бы дать полную историю Ростова.

Ушаков Д.А., указывая, что научно разработанных трудов по истории Ростова почти нет, почему необходимо сначала собрать материалы для истории, которые послужат основой для составления научной истории Ростова, предлагает устроить особый семинарий, который взял бы на себя огромную, требующую больших сил и времени работу по выявлению всех материалов о Ростове; только когда эта работа по сборанию материалов будет окончена, можно будет говорить об истории Ростова, научно обоснованной.

Предложение не встречает сочувствия у Мельникова, говорящего, что это слишком специальная работа и потребует много времени. Селиванов также согласен с Мельниковым.

Иванов П.С. отмечает два совершенно разных подхода к задаче изучения местного края, один – научно-исследовательский, основанный на тщательном изучении материалов, другой – противоположный, удовлетворяющей компиляцией устаревших и ненаучных пособий, без стремления критически подойти к материалам.

Председательствующий предлагает ввиду позднего времени прекратить прения, поставив в одном из ближайших заседаний вопрос о расширении плана работ секции¹⁵.

Эти прения свидетельствует о наметившемся изменении в работе РНОИМК. К концу 1920-х годов изучение истории искусства местного края истории, этнографии было свернуто.

Результаты активной деятельности членов культурно-исторической секции в 1924 -26 гг. не сохранились¹⁶ (исключение – брошюра Собынина В.А. Ростов в прошлом и настоящем. Ростов, 1928). Публикуемые ниже доклады П.С. Иванова, хранящиеся в РФ ГАЯО: «Описание путешествий», «Титовский богаделенный дом», «Барокко и классицизм в строительстве Ростова», «Городской сад», «Ростовский бульвар» – не утратили и на сегодняшний день своей актуальности.

¹ Иванов Петр Сергеевич (25.06.1900, Ростов Ярославской губ. – 1941), музейный работник, исследователь местной истории. Родился в купеческой семье. Окончил Ростовскую гимназию. Затем учился в Ростовском отделении Московского археологического института. С 1922 г. работал в Ростовском музее древностей. Был научным сотрудником, старшим помощником хранителя музея. В 1930-х годах работал в музеях Звенигорода и Рузы. Погиб на фронте в 1941 г. П.С. Иванов был членом правления РНОИМК. Был председателем библиографической комиссии общества. Некоторое время руководил его культурно-исторической секцией. П.С. Ивановым был подготовлен библиографический справочник по этнографии Ростовского края. Справочник также не был опубликован. В 1926 г. П.С. Иванов представлял РНОИМК на VII Рыбинском краеведческом съезде. П.С. Иванов был членом-корреспондентом Центрального бюро краеведения. Регулярно посылал корреспонденции в журналы «Краеведение», «Известия ЦБК», которые издавались Центральным бюро краеведения. Ярославские краеведы. Библиографический указатель, аннотированный. Часть 2. Ярославль, 1989. С. 19-20.

² РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1.

³ ГМЗРК. А-108.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 5 об.

⁷ Там же. Протокол № 4 заседания культурно-исторической секции РНОИМК от 20 марта 1924 г. Л. 8.

⁸ Там же. Протокол заседания культурно-исторической секции РНОИМК от 16 сентября 1925. Л. 30.

⁹ Там же. Л. 35. Л. 44.

- ¹⁰ ГМЗРК. А-147. Протокол заседания культурно-исторической секции Ростовского научного общества по изучению местного края от 18 февраля 1926 г. Л. 4 – 4 об.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. Л. 5.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 6 – 6 об.
- ¹⁶ Об активной деятельности культурно-исторической секции общества свидетельствует список докладов прочитанных на заседаниях в 1925-1926 гг. ГМЗРК. А-1762. Протоколы общего собрания членов РНОИМК Л. 48. Список докладов заслушанных в секции культурно-исторической за 1925 г.
1. С.Н. Иванов. «Материалы о Юголе, хранящиеся в Ростовском музее»
 2. его же. «Часовики Савостины»
 3. его же. «Шереметевский храм Ростовского Яковлевского монастыря»
 4. Д.А. Иванов «О живописцах и иконописцах, работавших в Ростовском соборе в конце 18-го начале 19-го в.»
 5. его же. «Материалы по истории Ростова»
 6. его же. «Поречье» (из истории села)
 7. Ушаков Д.А. «О Угличе»
 8. его же. «О шитье»
 9. его же. «О летописях Борисоглебского монастыря»
 10. Сахарова Е.К. «Материалы о Ростовском театре»
 11. - / - / «Из истории некоторых населенных пунктов Карашской волости»
 12. -
 13. Собынин В.А. «Из прошлого Ростова»
 14. - / - / «Планировка и застройка Ростова в первой половине 18-го столетия»
 15. - / - / - / - / «Население Ростова в половине 18-го века»
 16. Стрижников Е.Ф. «О работе Иваново-Вознесенского общества краеведения»
 17. - / - / - / - / «Ткачество крестьян Карашской волости»
 18. - / - / - / «Праздничный и трудовой день крестьян Карашской волости»
 19. Эдинг Д.Н. «О раскопках Сарского городца 1924 – 25 г.»
 20. Шляков Г.К. «Памятники старины Новгорода и Пскова»
 21. Иванов П.С. «Тверь из путевых впечатлений»
 22. - / - / - / «Ростов в описаниях путешественников конца 18-го и начале 19-го столетия» в 3х частях
 23. Спасский Б.К. «Учреждения Ростова с 1780 по 1917 и их функции»
 24. - / - / - / «Ростовские ремесленные Управы»
 25. Талицкий В.А. «Ростовская торговля 50 лет тому назад»
 26. Любимов Л.К. «Из путевых впечатлений по северу»
- ГМЗРК. А-693. Отчет о деятельности РНОИМК за 1926 г. Л. 2. Культурно-историческая секция продолжала вести работы по всестороннему изучению г. Ростова и его уезда, истории литературы, памятников искусства и старины, этнографии, быта населения и т.д.
- В целях ознакомления широких слоев населения с историей и топографией Ростова и его окрестностей, Д.А. Иванов и В.А. Собынин провели ряд экскурсий по Ростову, а последний, кроме того в Варницкую слободу, некогда имевшую большое экономическое значение, благодаря существовавшим соляным Варницам и бывшую значительным населенным пунктом, расположенным по обем берегам р. Ишни.
- В секции за отчетное время заслушаны следующие доклады:
- а) «Деревенская молодежь, ее обычаи и развлечения» – Е.Ф. Стрижниковой.
 - б) «Тулянья, в с. Шулец 7 января 1926 г.» в) «Свадьба в Карашской волости»

Е.К. Смирновой. г) «Жизнь и обычаи крестьян с. Поречья в первой половине XIX ст.» – Д.А. Иванов. д) «Постройки Карашской волости» – И.О. Софиев. е) «Каменный мост в Ростове» – Б.К. Спасский. ж) «Барокко и классицизм в строительстве Ростова». з) «Витовский Богателенный дом в Ростове». и) «Материалы по ревизии ростовского городского хозяйства И.С. Аксаковым в 1850 г.» к) «Свадьба в с. Богослов Ростовского у.» – П.С. Иванов. л) «Опыт разыскания и собрания древнерусского живописного искусства в Ростовском у. и инородных собраниях». м) «Топография г. Ростова IX, X, и XI вв. в освещении аналогичных данных по Новгороду» – Д.А. Ушаков. н) «Бытовые картины ростовской ярмарки» – В.А. Талицкий.

Кроме того, проведен вечер воспоминаний членов общества о революционном движении в Ростове в 1905 года. И.О. Рыньков, в связи с приближающейся десятилетней годовщиной февральской революции, ведет работы по изучению последней в Ростове. Д.А. Иванов работает над изучением вотчинного управления г. Ростова. Д.А. Иванов работает над изучением вотчинного управления г. Ростова, со времени учреждения Ярославского наместничества (с 1777 года).

Член общества Любимов Л.К. ведет исследовательскую работу над архивными фондами Москвы и Ростова, содержащими в себе материалы о прошлом г. Ростова.

Л. 3. Издательство.

Имеется так же большой труд, годный и готовый к печати чл. Общества Талицкого В.А. и Иванова Д.А. «Ростовская ярмарка в прошлом и настоящем в экономическо-бытовых очерках» (до 5 печатных листов).

Краткое описание произведений XIX в. о путешествиях в Ростов.

Илл. 1. Неизвестный художник. Портрет московского митрополита Платона (Левашина). Пер. пол. XIX в. Собрание Ростовского музея

(Л. 1.) В августе месяце 1792 года Платон (илл. 1), митрополит Московский, живший тогда почти на покое в Троице-Сергиевой лавре и Виффании, занимаясь лишь важнейшими делами епархии, поручив текущее управление епархией своему викарию, предпринял путешествие для ознакомления и поклонения святыням северной части средней России. Путешествие его захватило города Переславль, Ростов, Ярославль, Кострому, Суздаль, Владимир, Юрьев и Александров. О цели этого путешествия биограф Платона И.М. Снегирев говорит следую-

щее: «С благочестивою и любознательною целью им совершенно было в Августе 1792 года путешествие в Переславль, Ростов, Ярославль, Кострому, Суздаль, Владимир, Юрьев и Александров; в сих древних городах он посетил св. обители для поклонения опочивающим св. угодникам Божиим и чудотворным иконам, для обозрения достопамятностей и отыскания в монастырских библиотеках материалов Русской Церковной Истории, коей преподавание он хотел ввести в духовные училища (л. 1 об.) и составить опыт руководства к оной. На всем пути своем к святым местам Русским он встречал благоволение к себе жителей; они толпами собирались посмотреть на маститого Архипастыря, которому предшествовала слава его имени и его дел, стремились принять от него благословение»^а.

Платон ехал то на почтовых подводах большими дорогами, то водой (от Ярославля до Костромы)^б. Свое путешествие Платон описал в путевых записках, напечатанных в «Русском Вестнике», за 1841 г.^с

Сжатый, сухой, несколько протокольным, но точным, не смотря на сжатость, выразительным и порой образным языком Платон рассказывает о своем путешествии, описывает, что видел дорогой и на остановках. Вряд ли эти записки предназначались автором их для печати. Характер беглых скупых фактических записей для памяти этому противоречит.

Платон выехал из Вифании по большой Ярославской дороге по направлению к Переславлю 18 августа. Утром 19 он был в Переславлe, откуда вечером 20 выехал в Ростов. «Выехали из оного монастыря (Никитского) в тот же день, в 7 часу по-полудни, (л. 2) в погоду средственную; до половины дороги леса были по обеим сторонам небольшие, а с половины к Ростову безлесно; дорога гладкая, грунт земли крепкий, только к Ростову земля несколько болотиста и потому в ненастье грязна. На половине дороги стоит новый город Петровск^д; но по несчастью мы просхали его в полночь и потому не видели и ничего сказать об нем не можем».

В Ростове путешественники по пути заехали в Яковлевский монастырь, откуда поехали в бывший Архиерейский дом, где и остановились, очевидно, в доме для приезда архиерея (теперь дом № 2 в

^а Снегирев. Стр. 85, 87 (1 изд. 183). (М., 1856. С. 86). (постраничные сноски – П.С. Иванова)

^б Небезинтересно узнать скорость езды по тогдашним дорогам. Расстояние от Переславля до Ростова (60 в.) ехали – 11 часов; от Вифании, откуда началось путешествие до Переславля [пропуск в тексте] – 12 час.

^с № 9. Стр. 504 – 522. Перепечатано в книге Снегирева «Жизнь московского митрополита Платона», 2-ое изд. М., 1856. В приложении ко 2-й части стр. 1-26 (каждое приложение имеет свою нумерацию). Полное название: «Путевые записки просвященнейшего митрополита Платона, Московского и Калужского в Ярославль, Кострому и Владимир».

^д Петровск обращен в город из села в 1777 г.

Кремле). В Яковлевском монастыре Платон был в Зачатьевской церкви, о которой замечает: «Церковь величиной средственна; расписание по стенам старинное; иконостас новый, по новому вкусу и потому древности не соответствует»^а. В монастыре обратила на себя внимание Платона Рака св. Димитрия; описывая, ее Платон, не упустил записать, что рака и клейма, «по количеству серебра не малой цены стоящие»^б. Ризницу монастыря митрополит нашел «не худой». (л. 2 об.) С похвалой отзываясь он о недавно отстроенных ограде и кельях монастырских^с: «ограда кругом каменная и кельи каменные о двух ярусах, расположены порядочно и новой архитектуры, делают вид красивый; окружностью монастырь, кажется, до 300 сажень, на месте низком, на берегу озера, а с других сторон окружен строением градским».

По приезде в Кремль Платон побывал в соборе, где слушал раннюю обедню. После обедни в доме, где остановился митрополит, ему представлялись городские власти в лице городничего и судей и духовенство. «После сего, – пишет Платон, – ходили по ограде Архиерейского дома, по церквам и по палатам, к дому архиерейскому принадлежащим, а какие и какого строения того архиерейского дома церкви и прочее здание замечено»^д. Далее идет описание собора и Кремлевских церквей. Нужно сказать, что из описаний, сопровождаемых краткой оценкой достоинств церквей, видно, что Платону кремлевские церкви понравились. Не лишены интереса и некоторые замечания при описаниях церквей относительно их тогдашнего

^а Зачатьевский храм Яковлевского монастыря построен митрополитом Ионой Сысоевичем в 1680-х гг. (освящен в 1686 г.), Фресковая роспись современная постройке. Иконостас работы <неразб.> поставлен в [пропуск в тексте].

^б Рака св. Димитрия пожертвована Елизаветой Петровной после 1757 г., мощи в нее были переложены в 1763 г. в царствование Екатерины II. Изъяты во время изъятия ценностей в 1922 г.

^с Кельи – двухэтажный корпус построенный в [пропуск в тексте]. Ограда с нижними частями была построена в [пропуск в тексте]. Верхняя часть башен в готическом стиле построена в [пропуск в тексте]. г.

^д Ростовский Успенский собор, основанный в 992 г. первоначально был деревянным до 1160 г., когда был истреблен пожаром. На месте сгоревшего при Андрее Боголюбском был заложен каменный храм, недолго простоявший, и в 1204 г. обрушившийся. В 1230 г. построен новый каменный храм, сильно поврежденный во время пожара 1408 г. Восстановленный <...> собор испытал новые повреждения при нашествии поляков в 1609 г. В 17 ст. при митрополите Ионе Сысоевиче собор расписан фресками, к сожалению несколько раз переписывавшимися в последующее время. 18 и 19 ст. оставило несколько искажающих архитектуру собора следов. Собор в теперешнем своем состоянии может считаться памятником 16 ст. и дополненный и искаженный 17-19 ст. Ростовский кремль построен в значительной своей части митрополитом Ионой Сысоевичем. Им выстроены в 70-80 гг. стены с башнями, церкви: Воскресения Христа (около 1670 г.), Иоанна Богослова (1683), Григория (около 1670), Спаса (1675), Белая палата (1675), Красная палата.

состояния и убранства, и оригинальных особенностей в убранстве, так Платон отмечает, что в церквах Воскресения и Иоанна Богослова совершенно нет икон «только два местных образа Спасителя и Богоматери, в (л. 3) киотах деревянных, раскрашенных» (с. 9. 1856) (в Ц. Воскресения), «только две местные иконы Спасителя и Богородицы, в киотах столярных, раскрашенных, деревянных, на медных точеных столбах» (в ц. Иоанна Богослова). Киотов этих, так же как и образов, теперь не существует, они заменены при реставрации церковью во 2-ой пол. 19 ст. так же деревянными расписными киотами в стиле 17 ст. В церкви Иоанна Богослова отмечены и ныне находящиеся там «клиросы столярной искусной работы, покрытые шатром на медных точеных столбах». Между прочим, во всех церквях, кроме Григорьевской, полы были чугунные. Церкви Кремля, только что оставленного архиереями, перебравшимися по перенесении кафедры в Ярославль, уже начали приходить в то состояние разрушения и медленной, но неуклонной гибели, в котором оставались до 60-х – 80-х годов прошедшего столетия, когда реставрацией памятников Кремля был положен предел этой гибели; так, относительно церкви Иоанна Богослова Платон отмечает, что «в церкви появилась немалая рассадины». (л. 3 об.) В запустении и церковь Григория Богослова; в той уже нет иконостаса, «только подмазано штукатуркой по стенам, с клеймами, в коих написаны праздники живописной работы».

Большое впечатление производят на Платона стенописи церквей; время и небрежность невежественных владельцев Архиерейского дома еще не оставили своих следов на фресках. Церковь Иоанна Богослова «внутри и на папертях расписана древним, стенным хорошим письмом, и на нем краски весьма ярки и нисколько не изменились». В церквях Воскресения и Спаса так же хорошая свежая роспись: «В той церкви (Воскресения) и на паперти кругом расписано древним, стенным, хорошим, ярким и еще свежих красок письмом».

Особенности в архитектурной обработке внутренностей Кремлевских церквей не прошли мимо внимания Платона, он отмечает и обработку царских врат портиком-сенью, и такую же сень на горнем месте, замечая, что эти особенности ростовского зодчества «делают вид отличный и хороший». Особенно сильное впечатление производит на Платона церковь Спаса на Сенях. Он пишет: «Церковь преузорочная, величины средственной, но высока. Вместо (л. 4) иконостаса стена вся хорошо расписана; местных образов только два, в киотах; сень перед царскими дверьми и на горнем месте, так же, как и в церкви Воскресенской вышеписанной. Сверх того, примечания достойно, что место перед царскими дверьми, во всю широту церкви, от царских дверей, яко сажени на три, возвышено на 8-мь ступе-

ней и представляет восхитительный вид, и все то покрыто арками открытыми; арки кирпичными, все расписаны прекрасно, поддерживаются столпами кирпичными, червонным золотом сплошь вызолоченными. На сем же месте и крылосы покрыты, хорошо обработанные, около царских дверей столбики и прочее украшение обито медными листами, через огонь золочеными. Церковь по всему достойна содержания, яко некая редкость».

Еще церковь теперь несохранившуюся, отмечает Платон в Кремле «в покоях архиерейских деревянная подвижная, недавно построенная».

(л. 4 об.) Далее Платон переходит к описанию палат Архиерейского дома. И здесь он отмечает то печальное состояние, в которое начали приходить здания, оставленные без надлежащего надзора и поддержки. «Также без всякого уважения оставлены настоящие здания в Архиерейском доме».

«При Спасской церкви прежде была великая, называемая Столовая Белая палата; в середине поддерживается большим столпом каменным; вся внутри подмазана штукатуркою и убрана искуснейшею мелкою лепной работою; к сожалению, она лепная дорогая работа уже много отвалилась». Очевидно, в 1792 г. Палата находилась в пользовании ремесленной управы, так как Платон пишет, что «ныне та палата обращена на содержание значков цеховых, коих до десятка стоит». Особенно интересно в цитированном отрывке указание на лепные украшения Белой палаты конца 17 ст., почти целиком, за исключением незначительного фрагмента, утраченные в долгие годы запустения Кремля.

Началось уже разрушение и Красной палаты, хотя украшавшие ее фрески были во всем блеске своей красоты, которую донесли они (л. 5) до дней своего разрушения вместе с большей частью того здания, стены которого они украшали, в 1840 году. Так Платон описывает эту палату: «В особом положении корпус каменный; в нем великая палата, называемая Красная, поддерживаемая в середине большим столпом, расписана вся церковными древним хорошим письмом, с живыми красками, и все расписание весьма кажется ново. В сей палате, сказывают, принимали государей; но ныне в ней пол чугунный выломан».

Далее отмечаются «покои Архиерейские деревянные, на каменном фундаменте, невелики; в них пребывания имели новейшие»⁹. В довольно печальном состоянии находился и незаконченный в то время постройкой Самуилов корпус – «дом Архиерейский новый, из старого переделанный и в высоту прибавленный, о трех этажах, саженьях

⁹ Ныне дом № 2 Кремля, построен в нижнем этаже своем в 17 ст., верхний деревянный этаж построен в 18 ст., но не сохранил следов архитектуры этого времени т.к. неоднократно переделывался.

на тридцати: был бы хорош и доволен, ежели бы он был окончен, но он только отделан вчерне и покрыт, а внутри не обработан и в (л. 5 об.) таком состоянии ныне остался»^а.

Особенно понравились Платону Ростовские звоны^б. Не слишком щедрый в похвалах, он говорит о звонах с особым восхищением.

«Близ собора колокольня, небольшая, но широкая; в той колокольне колоколов: 1-й в 2000 пудов, 2-й в 1000 пудов, 3-й в 500, а всех 13 колоколов; звон удивительный и нигде примера не имеющий, ибо устроен по инструментальной музыке и пресладостно вызванивают три порядочных концерта: первый называется Георгиевским, 2-й Якимовским, 3-й Арсениевским, и все колокола к тому прибраны способные, и звонари звонят со вниманием, друг на друга и на ударение колоколов смотрят». До нас дошли исполняемые на ростовской соборной звоннице три старых (идущих от 17 и 18 столетий) звона, три настроя: Ионинский, Якимовский и Георгиевский. Любопытно, что Платону остался неизвестен первый звон или концерт, по его выражению, – Ионинский, который в его списке звонов заменяет в позднейшее время совершенно неизвестный звон – Арсениевский. Вполне возможно, что Платон слышал те же звоны, которые мы слышим под названием Ионинского, Якимовского и Георгиевского, но с некоторым изменением (л. 6) в наименованиях звонов.

Несколько строчек Платон уделяет озеру: «При самом городе с полуденной и западной сторон большое озеро, называемое Неро, а кажется, надлежит называть Меря, как видно из летописцев, которое сказывали верст 15 в долготу, а в ширину семь. Озером протекает река Сара, и к удивлению, услышали, что озеро столь великое, окружающее город, принадлежит все одной какой-то помещице, а из граждан никто, никакого участия не имеет, и в нем рыба вкусу не противна, только, кажется, дряхла и малосочна».

^а Самуилов корпус – митрополичий дом; построен или возможно только отстроенный Ионой Сысоевичем в два яруса в 1770-е архиепископом Самуилом Миславским перестроен, при чем при перестройке надложен был 3 ярус в стиле уже переходном к классицизму. Однако, перестройка закончена не была и более 100 лет здание стояло недостроенным ничем не «неразб.» и постепенно разрушалось. Только к 1880 г. оно было приспособлено после ремонта для основанного в Ростове Духовного училища, при чем при ремонте были отчасти уничтожены, отчасти заложены и скрыты детали архитектурной постройки 16 – 17 ст., сохранные при перестройке здания Самуилом в нижнем этаже корпуса. Восстановление этой части здания в том виде, в каком оно было в 16 – 17 ст. начато в 1924 г. музеем, занявшим корпус в 1922 г.

^б Звоны Ростовской соборной звонницы отличаются своим гармоничным величественным настроем. Звонница построена в конце 17 ст. Ионой Сысоевичем. Колокола для нее отлиты в Ростове в промежуток от 1654 по 1689 г.

Платон пишет в Ростове 25 приходских церквей, «из коих кажется до 8 деревянных» и 7 монастырей, считая с загородными.

Вообще город, начавший перестраиваться по новому плану, видимо, произвел на Платона впечатление благоприятное. «Город средственной величины, но больше Переславля; положением на низком и ровном месте, строение весьма средственно и много пустырей, но много уже (л. 6 об.) построено каменного строения по новому плану и не одну улицу видели хорошо устроенную и прямую».

Платон не пишет, когда ему в его однодневное пребывание в Ростове пришлось наблюдать жителей города и каких, кроме представлявшихся ему должностных лиц и духовенства, однако, он не преминул заявить, что «жители показались нам набожны и благонравны».

В 5 часов вечера путешественники, пообедав, выехали из Архирейского дома по направлению к Ярославлю. По пути заехали в Авраамиевский монастырь. Здесь внимание Платона остановили только «архимандричьи кельи, кои вновь построены и показались немалы, в сравнении монашеских скудных келий, в коих живут монахи, именуемые архимандриту братья», не без ядовитости добавляет Платон. «Из сего монастыря заехали в Петровский монастырь; были в церквах, где показываемы были золотые деньги, называемые Петра апостола, серебряные же Павловыми, якобы от них данные Петру царевичу; они похожи на старые копейки, и кажется, не золотыя, а золоченыя».

«При выходе из монастыря отправились в путь в Ярославль, в 7-м часу пополудни; от Ростова (л. 7) до половины дороги нет совсем лесов, а с половины дороги леса местами есть небольшие. Дорога ровна и гор нет и не грязна. Погода в дороге была холодноватая и пасмурная».

Мы просмотрели все наиболее интересное в путевых записках Платона, то небогатое словами, но значительное содержанием. В четких сдержанных записках, где не упущено, кажется, ничего, что в короткое время остановки в Ростове схватил зоркий глаз путешественника.

Сентиментализм, проникший в к. 18 ст. в Россию и скоро сделавшийся господствующим течением литературы, сделавшийся здоровым передовым направлением ее, содействовал тому, что литература вышла из области космополитических сюжетов, развертывающихся вне определенного бытового уклада. Литература сделала попытку часто неудачные связать сюжет с бытовой обстановкой, прикрепить (л. 7 об.) действие, рассказ к определенному месту, к определенной народности. Результаты этого стремления у писателей сентиментального направления были, пожалуй, совсем обратным желанием. Обратив исключительное внимание на описание чувств своих

героев, их душевной жизни, писатели сентименталисты прошли мимо бытовой обстановки, среди которой жили и чувствовали их герои. Прикрепив их к определенному географическому пункту, они не убеждают читателя в крепкой связи рассказываемого ими действия, с тем местом, где оно по их желанию совершается. Оно с одинаковой убедительностью могло бы произойти и во всяком другом месте, где есть люди и так любимая сентименталистами природа. В этом отношении авантурный роман или сатира 18 ст. при всей их приверженности исключительно фабуле или морали дали больше. Оставаясь далекими от реализма, русские писатели сентименталисты конца 18 – нач. 19 ст., однако, действия своих произведений ставят в рамки русской действительности, локализуют их, заставляя своих героев переживать те или иные свои чувства иногда в определенном географическом месте. В это время появляются повести и романы, сюжет которых (л. 8) развертывается в определенном месте («Бедная Лиза» Карамзина¹, «Ростовское озеро» Вл. Измайлова² и др.) Появляются и бесчисленные описания путешествий в разные места России («Путешествие в полуденные края» Вл. Измайлова³, «Путешествие в Малороссию» кн. Шаликова⁴ и другие) возникшие под влиянием Карамзинских «Писем русского путешественника»⁵. Среди этих «путешествий» есть две книжечки, посвященные описанию путешествий-прогулок из Москвы в Ростов.

Первая вышла в 1804 г. Вот полное название этой, с свойственной эпохе вкусом, изданной книжечки – «Моя прогулка в Ростов или Описание всего того, что я в мой проезд слышал, чувствовал, видел, чем восхищался и занимался (Любезной сестре моей Дуношкe)». Соч. Р*** Ра****. Москва, 1804. В типографии Христоф. Клаудия». Вторая – запоздавшая дань вышедшему из моды сентиментализму, издана в 1836 г. Она называется «Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова, и обратно в Москву»⁶.

Схема изложения в обеих книжках совершенно одинакова. Описание идет последовательно, в порядке маршрута путешествия.

(л. 8 об.) Автор первой книжки в заглавии ее обещает дать «Описание всего того, что слышал, чувствовал, видел, чем восхищался и занимался». Обещание в отношении слышанного и виденного невыполненное. Вряд ли так мало слышал и видел он, что записал в своей книжке. Как и большинство авторов путевых записок того времени, он останавливается больше на чувствах, возбужденных виденными предметами, чем на описаниях самих предметов. Чувства им описанные, часто имеют отдаленную связь с предметами, их возбуждающими. Из виденного же автор больше всего останавливается на любезной сердцу его природе и ее красотах, способных будить так же разнообразные и глубокие то печальные, то светлые и радостные чувства, заставляя из глаз капать слезы, наполняя меланхолией

мысли и восхищенном сердце чувствительного путешественника. Описание дается в форме писем путешественника, адресованных его сестре, – прием, весьма удачно выбранный и так привившийся после Карамзинских «Писем». Сестре автора посвящена и вся книжка – Приношение любезной сестре моей А.Н. в день именин ся. «Тебе милая Дуношка, тебе посвящаю сию безделку в самый день твоего (л. 9) ангела», говорит автор в посвящении. Это посвящение и самый характер писем придает книжке милую интимность. Книжечка кажется написанной не для всех, только именным подарком близкому человеку. Эта интимность, дающая какое-то оправдание тем мелочам, которыми переполнена книжечка, своеобразная прелесть старины, так чувствуемая в немного курьезном стиле этих простодушных писем, доставляют легкое удовольствие при чтении этой книжечки-безделки.

Автор книжечки выехал из Москвы и ехал по большой дороге до Ростова и тем же путем обратно, описывая те местности по пути, о которых он нашел нужным что-либо сказать, остановки главным образом. В письме седьмом, помеченном «Ростов 4 июня», он описывает бегло местности Ростовского уезда, по которым проехал. «Ехав, несколько часов унылыми местами, вдруг восхитился зрением села Любимова (Любилон), отстоящего от Ростова слишком на 20 верст. С огромной сей горы (л. 9 об.) Ростов виден почти весь. Озеро издали представляет очаровательную картину на другой стороне озера видно славное Поречье село, принадлежащее графу Шереметеву, в нем строенье по большей части все каменное, и крестьяне живут отменно богато. Тут еще проедешь два, а может быть и три небольшие селения, кои я запомнил. – Потом следует ныне уничтоженный город Петровск. В нем достопримечательного каменные прирудственные места, собор, довольно хорошая речка и каменные ряды. Я тут не остановился, а отправился далее. – Вот и Дердико, довольно хорошее село на извилистой речке. За ним следует Л**, село не такое большое. Подле него есть порядочный пруд, где я не преминул сойти и посмотреть дичи».

Путешественник совсем близко от Ростова, растянувшегося перед его глазами, он может схватить общее впечатление города в рамке окружающего его ландшафта, и он скупо, но тонко и выразительно дает картину почувствованного им облика города. «Ну вот и последнее к Ростову село Песочное (Песошня), выехав из коего представляются тебе редкие виды: древние монастыри, величественное озеро, усеянное небольшими островками, и там вдали за оным по холмикам и долинкам разбросаны различные селения».

Р Ра был в Ростове в то время, когда еще не улеглась, (л. 10) не затихла та волна религиозного почитания и религиозных паломничеств для поклонения св. Димитрию, новому Ростовскому чудотворцу,

такая сильная после открытия мощей Дмитрия в 1757 году, остановившего надолго внимание общества к этому святому, сделавшемуся так популярным, особенно в кругах высшей знати и дворянства. Наплыв богомольцев, приезжавших в Ростов с главной целью поклониться св. Дмитрию, побывать в Яковлевском монастыре, отразился самым благоприятным образом на благосостоянии ростовских обывателей, в особенности живших вблизи Яковлевского монастыря, так как потребность в остановке богомольцев не всегда могла быть удовлетворена монастырскими гостиницами, и жители ближайших к монастырю улиц имели хороший доход, держа постоянные дворы и сдавая в наем богомольцам комнаты. Желание быть вблизи почитаемого святого было у некоторых состоятельных людей столь сильно, что они покупали или строили собственные дома вблизи монастыря. Любопытная бытовая мелочь: постоянные дворы держали и лица духовного звания, как о том (л. 10 об.) свидетельствует наш путешественник. «Извозчик мой взвез на постоялый двор, который содержит один почтенный диакон. Домик его на самом озере».

Толпы богомольцев, наводнившие Яковлевский монастырь, создавали потребность в производстве образков, уносимых богомольцами на память о своем паломничестве. Эта потребность удовлетворялась финифтяниками Ростова; в это время ростовская финифть переживала свой расцвет, развернувшись в крепкое, привлекавшее большое количество рабочих рук производство. «Пришедши на квартиру, увидел множество продавцов с финифтяными образками, которые напрерыв старались друг перед другом, скорее продать. – Я купил три или четыре образа, твой Ангел, милая сестра, свой, еще образ св. Л.** (Леонтия?) и чудотворца Николая».

Наш путешественник при поездке в Ростов также имел целью поклониться мощам св. Дмитрия. По приезде он «до обедни вздумал отдохнуть, что и исполнил. Вставши, напился китайского напитка, ударили в колокол к поздней обедне, и я в церкви; тут постыные лица монахов, вселяли какое-то особое почтение. – Все тихо. Всех очи обращены к мощам Святаго Дмитрия. После обедни приложившись (л. 11) к мощам, пошел на квартиру, где долгое время не нашел чем заняться, начал читать почти что глупости на стене написанные. Между оными я нашел, что всего примечательнее, одна молодая девушка написала следующее. – «Молодец мой еще в самом цвете лет, красота моя не хуже другой; довольно богата, именуюсь прелестным именем Лизонькою, и не найду еще по сердцу себе. Лизавета Д. 18 лет». Я подписал: Милая Лизанька, это уж слишком нескромно».

«Наскучив библиотекою глупостей, иду созерцать прелесть Ростовского озера». Чувствительный путешественник, конечно, очарован: «вид очарователен; там, вдали в сияющем тумане представля-

ются в великолепном положении, сельские церкви и колокольни. Здесь веселые рыбаки, в малых челноках своих, поспешно разъезжают по озеру, попевая изрядные песенки». «Созерцание прелести ростовского озера» навеивает на чувствительного созерцателя меланхолию. «Со вздохом вспоминаю тебя, дражайшая Дуношка! – колкое пространство тебя (л. 11 об.) со мною разделяет, вспоминаю чувствительного описателя Ростовского озера, и слеза невольно капнула из глаз моих, и потерялась в волнах».

«Отобедав, выстояв всенощную; – постоял на озере, расплатился с хозяином и, исправив свои дела, отправился. Прощай».

Вот и все о Ростове у Р. Ра. Это немного, но нужно ли было больше «милый Дуношке», которой адресовал свои письма с мимолетными и легкими очерками виденного и чувствованного автор книжки? Простота, безыскусственность, может быть деланная, пожалуй, бессодержательность, с нашей точки зрения, это ведь один из главных особенностей того направления, которым захвачен был автор «Прогулки в Ростов» – сентиментализма. К этим чертам он, пожалуй, прибавил еще поверхность.

К сожалению, не удалось ничего узнать об авторе книжки; даже фамилия его скрытая, очевидно, под начальными буквами Ра****, остается неизвестной.

Больше известно об авторе другой книжки, передающего впечатления туриста, путешествующего пешком из Москвы в Ростов, к рассмотрению которой (л. 12) мы и переходим. Полное название книжки следующее «Журнал пешеходцев от Москвы до Ростова, и обратно в Москву. Издан М.Н.М.к.р.в. Москва, 1830. В Университетской Типографии». Стр. IV+226 + 2 неп. На выходном листе эпитафия из Карамзина: «...Человек в дорожном платье, с посохом в руке, с котомкою за плечами, не обязан говорить с осторожной разборчивостью какого-нибудь Придворного, окруженного такими же Придворными, или Профессора в Шпанском парике, сидящего на больших ученых креслах...»

Автор этой книжки, скрывшийся под прозрачной монограммой М.Н.М.к.р.в., – Михаил Николаевич Макаров (1789 – 1847), является профессиональным литературным работником. Уроженец Рязанской губернии, воспитывавшийся в Московском Университете, он служил в своей родной губернии. Макаров собирал народные предания, прибаутки, московские были, но издания его в этой области научного значения почти не имеют. В начале своей литературной деятельности Макаров был одним из редакторов курьезного «Журнала для мыльных», издававшегося (л. 12 об.) в Москве в 1804 году. Много статей его, преимущественно историко-литературных, тоже невысокого достоинства, рассеяно в «Дамском журнале» (где им, между прочим в 1824 г. помещены материалы для истории русских писа-

тельниц) и других изданиях. В «Чтениях Общества Истории и Древностей Российских» печатался его «Словарь областных слов». В «Вестнике Европы» помещены его «Путешествия из Рязани в Радонежский монастырь», «О старинных русских праздниках и обычаях». Отдельно Макаровым изданы указанный «Журнал пешеходцев», «О пользах путешествий для испытания природы, особенно в отношении к России» (М., 1833), «Повесть из русских преданий» (М., 1834), «Русские предания» (М., 1838-40), «Московские рассказы о бедных» отставного полковника М. Быстрорецкого (М., 1840), «Московский калач» (М., 1841), «О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного Государства Российского М. Быстрорецкого (М., 1843) и другие. Из указанных его работ видно, какими вопросами интересовался главным образом Макаров и какие, в форме полубеллетристической, или в форме историко-литературных статей, находили у него обработку для печати. Родная история, народный быт, переломленные в народных сказаниях и преданиях, – материалы для собирания и записи, находят в лице Макарова увлеченного и трудолюбивого поклонника (л. 13), добросовестно и тщательно, хотя и без особого таланта разрабатывавшего их. Макаров – один из тех, кто испытал на себе это увлечение часто баснословной и легендарной стариной, сохраненной народными преданиями. Его меньше привлекают исторические документы, где подчас сухо, деловито и скучно отразилась прошлая жизнь, меньше чем привлекательное и живописное народное сказание, уже само по себе, независимо от содержания, как образец народного творчества, интересное и увлекающее.

Макаров – один из представителей того народнического, национального течения в русской литературе, которое началось еще в 18 столетии, когда деятельность Чулкова⁷, Елагина⁸, Новикова⁹, Радищева¹⁰ по собиранию и изданию памятников народного творчества и народной старины, положили ему начало, когда в русской литературе осозналось недовольство усвоением внешней лишь стороны западной культуры и явилась мысль поставить старую исконную русскую культуру, сохраненную в средних и низших слоях общества, выше (л. 13 об.) поверхностной шлифовки офрануженного быта высших классов общества. Эта мысль дала толчок к непосредственному интересу русской стариной, к изучению ее. Нежизненность формально лишь воспринятого ложно-классического направления литературы способствовала усилению этого национального течения. Елагин, Чулков издают собранные ими народные песни и сказки, как интересный материал для характеристики народной поэзии и музыки. Новиков в своей «Древней российской Вивлиофике» публикует обширный, извлеченный из рукописей материал по древнерусской истории, литературе, быту, географии и проч. Этими лите-

ратурными выступлениями делается первый шаг в изучении русской старины в русском обществе и литературе. Это народническое течение переходит и в 19 столетие. Отечественная война, счастливый исход которой наполнил общество чувством удовлетворенного самодобия и национальной гордости, поддерживает это течение. Макаров и является одним из представителей того ответвления народнического, национального течения, которое поставило себе задачей собирание и обработку памятников народной, главным образом, устной поэзии и преданий, которое положило начало науке о русской (л. 14) народной словесности, русском фольклоре, в противоположность другому, чисто научному ответвлению, основоположником которого надо признать Новикова, в задачи которого входило издание и изучение письменных памятников старины, и которое является, таким образом, в значительной степени, менее связанным с литературой и историей литературы.

Как бы ни были малы достоинства Макарова, как писателя, он имеет право на наше внимание, на скромное место среди малых писателей начала 19 ст., среди тех, кто своим посильным, забытым теперь вкладом в литературу, способствовал развитию литературы и отчасти науки.

Макаров симпатизировал не только народническому направлению. Столь модное в конце 18 – начале 19 ст. сентиментальное направление захватило и подчинило его своему сильному влиянию, которому он остался верен, в значительной степени, во весь период своей литературной деятельности. В 1820-х годах сентиментализм давно перестал удовлетворять вкусам читающего общества, уступив (л. 14 об.) место новым течениям. Остатки переродившегося сентиментализма группировались вокруг «Дамского журнала», издававшегося князем Шаликовым¹¹ с 1823 по 1833 гг. Как раз в этом журнале работал и Макаров. Сентиментализм Макарова является под влиянием других течений литературы 1 пол. 19 ст. сильно измененным по сравнению с сентиментализмом конца 18 – начала 19 ст. – времени расцвета этого направления; элемент чувствительности в значительной степени смягчен реалистической точностью описаний. Это качество Макарова – его реалистичность, в которой конечно много еще условного, в связи с его этнографичностью, беспристрастным подходом к изображению народной жизни составляет наиболее сильную и симпатичную черту в творческом облике Макарова.

Перейдем к его «Журналу пешеходцев». Книга содержит описание путешествия двух пешеходцев – автора и его друга С-ва – из Москвы до Ростова и обратно, т.е. то же, что и книжка Р. Ра. Но Макаров гораздо многословнее, гораздо больше дает, чем Р. Ра. В ней не только пересказ своих впечатлений, чувствований по поводу

виденного, но и рассказ о том, что видел путешественник, о том, что с ним случилось в дороге, о встречах и разговорах. В уста своего товарища (л. 15), увлекающегося и наивного С-ва, автор вкладывает длинные рассуждения о истории виденных местностей, целые экскурсы в область изысканий исторических, филологических и этнологических.

Журнал ведется в форме дневника. Путешественники подходят к Ростову по той же дороге, что и оба автора выше обозранных путешествий в Ростов, – по большой Московско-Ярославской дороге. Как и те путешественники, наш пешеходец любит великолепной панорамой Ростова с Любильковской горы. Красоте этого «ландшафта» посвящены первые строки журнала, писанные в Ростовском уезде. Вот они, под датой 22-е июня: «Село Любилки, принадлежащее помещице Наляяновой, имеет восхитительное местоположение; с его пьедестала – крутой, высокой горы – уже виден Ростов и даже селения за шестнадцать верст от Ярославля; ближе усматриваются несколько каменных зданий бедного городка Петровска и множество сел и деревень, рассеянных там и сям, а, в особенности, (л. 15 об.) по берегам древняго Неро, составляющего все самое лучшее в целом ландшафте, в котором после Ростова яркий предмет, из всех селений – Поречье, богатое село – из владений графа Орлова».

Далее следует несколько интересных для историка быта, для этнографа замечаний о Поречье и быте Пореческих крестьян. Путешественник поражен зажиточностью и культурностью их. «Из Поречья, – пишет он, – есть крестьяне, живущие купцами, отчасти дворянами; они заботятся и о воспитании детей. Чтецы и писца здесь нередкость, есть и такие, которые понимают язык французский, и будут говорить с вами на английском или немецком языках. Мы видели девушку, молодую, пригожую, дочь торгового-земледельца: она охотно читала Карамзина, Дмитриева, Пушкина; умела ценить по достоинству все наши журналы и пела песни по Итальянски с особенною приятностью. Она понимала язык!» Очень любопытно описание одежды пореческих женщин. «Женский наряд в Поречье (и почти у всех образованных ярославских крестьянок), так же есть нечто замечательное: это смесь иностранной модной роскоши с одеждою Натальи Боярской дочери, это два века, разделяемые веками и соединяемые платьем. Драгоценные камни, жемчуг, белила и румяны, помада (л. 16) и все косметические приборы, мешаясь, то с кисейными, матерчатыми и батистовыми сарафанами, то с атласными и соломенными шляпками, при дорогих Турецких и Английских платках и шалях, и, наконец, капки, подкапки, кораблики, русские жемчужные подвязки при немецких платьях: вся такая смесь и вместе и порознь говорит вам в одно и то же время и о роскоши новейшего потомства древних славян, и о роскоши нисходящей линии по родос-

ловной мод Галло-Германских, или Англо-Галльских». В этих заметках, может быть, есть преувеличения, следствие поверхностных заключений, основанных на мимолетных, единичных наблюдениях, по общей характеристике зажиточного быта поречан, подтверждающаяся и другими описаниями Поречья этого же, приблизительно, времени, очень ценна.

Ростовцы – исстари огородники, и внимание путешественника прежде всего останавливает высокая по сравнению с другими местностями земледельческая культура приозерья. «Огородничество первое занятие прибрежных жителей к Неро. (л. 16 об.) На маленьком клочке даже и неплодородной земли у них и растет и цветет то, что владелец и самой тучной степной десятины не взрастит никогда! Московское земледельческое общество уже обратило на себя внимание некоторых Ростовцев-огородников; но они все еще чего-то робеют. Может быть оттого, что наши крестьяне и все вообще за все новое принимаются весьма неохотно».

Под 22 же июня содержится в «Журнале» описание Петровска, предворяемое исторической справкой об основании города и экскурсом в область изысканий о происхождении названий рек и озер. «В заштатном Петровске замечательные каменные строения суть: весьма хорошей архитектуры Соборная церковь, бывшие присутственные места и каменные же ряды, теперь нужные, здесь, только для торговли во время двух, и то обыкновенных сельских ярмарок: первой 29 июня и другой 14 сентября».

25 июня путешественники в Ростове. Автор «Журнала», слишком увлекающийся воспоминаниями о ростовской истории, часто баснословными, к которым мы вернемся ниже, слишком мало дает самого интересного для нас, того, что он увидел в Ростове, а не того что он (л. 17) вычитал из книг: Длинные рассуждения об ростовской истории заслоняют коротенькие заметки о самом Ростове. Постараемся сначала извлечь эти описания непосредственно виденного, чтобы потом дать характеристику исторической части описания. Их немного. Два-три слова об озере, об Яковлевском монастыре, еще меньше о других монастырях, и все. Автор на многих страницах старается, вытряхнув весь запас свой исторических знаний, забывая хотя бы словом упомянуть о Ростовском Кремле, с его памятниками, как будто бы и не видел его в Ростове.

Вот небольшой отрывок об озере. «Ростов расположен на берегу древняго Неро, по самой середине котораго, не сливаясь с его водами, протекает река и делит озеро на две равные половины. Воды отличаются себя неприметным образом; но только среднюю, или речную можно употреблять в пищу. В сей речной воде ловят особенно вкусную рыбу, а в крайних, или в озерных водах другая рыба дурна, и пахнет тиной». Ростовское озеро сытная пища для Романтиков (л.

17 об.); но зато далеко отстало по чистоте своей от Переяславского, или Плещеева озера».

Еще меньше дал автору Яковлевский монастырь, столь почитаемый и посещаемый в это время. «Самое торжественное, самое богатое здание в Ростове, это монастырь Преподобного Иакова, расположенный на берегу озера и хранящий в себе св. Чудотворные мощи митрополита Димитрия, Ангела-человека, отличного по своей жизни, необыкновенного ученостию, глубоко-мыслием, словом – дивного неизъясняемыми, великими добродетелями небесными!» Далее продолжается панегирик св. Димитрию. В другом месте автор пишет: «В Иаковлевском монастыре, поклоняясь Св. Димитрию, в богатой драгоценной раке опочивающему, в то же время творить молитву и ко Св. Иакову; его мощи под спудом. Церковь, выстроенная в сей же монастырской ограде покойным Графом Н.П. Шереметевым, великолепна; во всех сих церквях есть много замечательных образов, но мало древних!»

«С душевным благоговением смотришь на картины чудотворений Димитриевых, на портрет и могилу безменного служителя при Св. гробнице Угодника, в продолжении целого полувека – говорю о праведном отце Амфилохии».

Популярность Яковлевского монастыря в конце 18 – (л. 18) 1 пол. 19 ст. была столь велика и посещение этой обители так многочисленны, о чем уже говорилось выше, что явилась необходимость устройства особых гостиниц для пономников и особенно странноприимного дома для тех богомольцев, которые не имели средств для остановки в гостиницах или на постоянных дворах. «Против монастырской ограды есть убежище для бедных молеельщиков, приходящих сюда на поклонение Святыне. Основательница его Княгиня Наталья Ивановна Голицына, урожденная Графиня Остерман-Толстая».

Далее Макаров приводит ряд имен из той религиозно настроенной части высшего общества, которые с особым вниманием относились к благоустройству Яковлевского монастыря и с особым почитанием – к св. Димитрию. «Не менее так же славны в Ростове богатыми вспомоществованиями церкви и благотворениями бедным имена: Графини Анны Алексеевны Орловой-Чесменской, графини Анны Родионовны Чернышевой, К.А. Чичериной, М.Ф. Кер-Портер, урожденной княжны Щербатовой».

Кроме Яковлевского монастыря путешественники (л. 18 об.) посетили церковь Вознесения, Авраамиевский и, очевидно, Петровский монастыри, соединившиеся в представлении автора в один монастырь. Поверхностная заметка о них полна неточностей. «Сегодня мы осматривали церковь Вознесения и монастырь Авраамиев; в первой опочивают мощи Святаго Исидора Христа ради юродивого;

и в последнем мощи Св. Петра Царевича Ордынского. Св. Исидор жил в государственное Великого князя Иоанна III Васильевича; он был современник св. митрополита Филлипа и говорил правду в глаза, как народу, так и великому князю. Царевич Петр – подданик Батыев – в юности своей прибыл в Россию и познав здесь веру истинную (1253 года) во Христа, посвятил ей всю жизнь свою. Св. Авраамий, архимандрит Ростовский, основатель монастыря, скончался 1010 году, при св. Владимире. Недоступная древность! Монастырь Царевича прежде почитался загородною пустынею, ныне, с распространением Ростова, он почти в Ростове».

Столь же кратки поверхностные заметки о ростовской ярмарке и о ростовской финифти. «Здесьняя Ростовская ярмарка, называемая сбором, начинается с первой недели Поста и продолжается до половины третьей. Купцы съезжаются сюда из Астрахани (л. 19), из Казани, Москвы, Риги, С.-Петербурга и даже из Татарских владений; Армяне и греки торгуют здесь с выгодой. В руках торговцев обращаются миллионы; были ярмарки, на которых стечение народа простиралось до 15 и более тысяч. Первое начало сей Ростовской торговли полагают со времен Грозного». Далее идет рассуждение о начале самостоятельной торговли в Древней Руси.

О финифти, собственно, автор только упомянул. «Здесь пишут Св. образа на финифти и – довольно искусно живописью. Мои спутницы покупали их». Но не преминул показать свою ученость в столь же длинном, сколь и основанном исключительно на баснословных преданиях рассуждении. Как образец баснословия это рассуждение интересно и мы приводим его почти полностью. «Греки первые познакомили нас с красотою финифтяных образов и при Князе Димитрии Константиновиче Суздальском, как сказывают, любители художеств, особенно живописи, наши деды упростили остаться в России некоторых мастеров финифтяных (л. 19 об.) и иконописных. Об искусстве Суздальцев мы будем говорить в свое время. – Суздальцы, научась полезному, не всегда подражали грекам. Болгарский князь Ассан, преданный уже Князю Димитрию Константиновичу, как глава народа торгового, имел сношение с Индиею, по тогдашнему времени просвещенному художеством, – и по его то связям с Князем Димитрием явились в Суздале предпочтительно художники и художества. – Просвещенный Ассан был зло для татар; они видели в нем спешествователя возвращения Русских, и потому в последствие времени совершенно расстроили согласие Димитрия с Болгарами; Димитрий несмотря даже на дань, уплаченную ему покорным Ассаном, возстал вновь против своего мирного вассала, раззорил до основания свое жалованье Болгарам в Суздальском Княжении – их пристань, <...>, а потом вместе с своим братом князем Борисом Константиновичем, разгромил и все Болгары; но просвещенный Ассан

опять покорился Россиянам, а вместе с тем же и Татарам; здесь он как данник утесненный, заплатил сим последним 3000 серебряных с лишком и – просил для себя прощения, не будучи ни в чем виновным!! – Другой любитель художеств (л. 20) в Ростовской стороне был князь Андрей Оссовицкий, Княжество которого и теперь еще памятно, Юрьев-Польского уезда, по урочищу Оссовицы, пограничному с Ассановцем; сказанный Князь Андрей, по возвращении своем из Казанского похода, построил у себя на Оссовицах... храм Казанской Богоматери (где и теперь чудотворный образ, письма Болгарского). Храм сей, украшен художниками Суздальскими и Ростовскими».

Такие баснословия рассыпаны в книге на каждом шагу. Влюбленный в предание, в легенду автор с доверием относится к ним, считая необходимым дать им место среди своих исторических разысканий, мешая подлинные исторические факты с досужим домыслом позднейших времен. В этом отношении он представитель той группы большею частью доморожденных наших историков, если можно к ним приложить это название, которые, обладая большой любовью к родной старине, большим трудолюбием в разыскании источников об этой старине, не обладали серьезными знаниями и критическим отношением к неоднородным и не всегда подлинным (л. 20 об.) источникам, давая в своих трудах место всякому сведению. Любопытный тип такого историка, разрабатывавшего историю своего родного края, наряду с другими городами, имеет и Ростов в лице А.Я. Артынова, чьи толстые рукописные труды, свидетельствуя об удивительном трудолюбии, усидчивости и кропотливости, об исключительной любви к родному краю и его старине, наполнены наряду с ценными сведениями, массой баснословия.

История Ростова, рассказанная Макаровым в его «Журнале», принадлежит к такому же типу историй. Заимствуя из летописей, у Карамзина отдельные факты ростовской истории, истории чисто внешней, перечисляющей имена князей и войны, Макаров пристегивает к ним предания и легенды, сомнительного, с точки зрения подлинности, достоинства.

Приведенный выше отрывок по поводу происхождения финифтяного и живописного искусства знакомит с характером исторических суждений автора «Журнала». Не видя нужды останавливаться на всех местах, посвященных истории Ростова в «Журнале», приведем еще отрывок, характеризующий исторические воззрения автора и его приемы писания истории.

(л. 21) Сообщив, что когда «еще Рюрик не знал России», Ростов уже существовал, и что здесь жило Меря, «народ менее дикий, нежели другие народы», Макаров пишет: «Язык Меря, по замечанию некоторых, имел в себе так же нечто особенное от языка Славяно-

Русского. В языке Ростовцев, Костромичей, Ярославцев, (как замечаем) есть много слов, которые не по какому отношению не принадлежат ни нашим, ни Татарским языкам; до сей поры еще самый выговор потомства Меря имеет свою странность; названия различных древних урочищ, озер, рек, лесов и проч... здесь совершенно чужды для Русских. Но всякая основательная вероятность о том, или о другом уже с незапамятных времен, почти безвозвратно, погибла в языке Славяно-Русском! Историограф Карамзин соглашается оставить при Мере финское происхождение. Все возможно; но варяг Рюрик – овладел Мерею, не вместе, не в одно время с другими покорившимися ему добровольно финскими народами, а потому может быть Меря и Муром не совсем Фины, – так может быть, заключал я. Да что такое Рюрик-то? (л. 21 об.) ... Рюрик, Рюрик! Твердил С...в, Скандинав он или принадлежит Индийскому племени? ... Но кто бы он ни был ... а этот Рюрик, как говорили наши летописатели, взял и отдал Ростов во владение. – (уже весьма сомнительному) своему брату Синусу, Сидеунасу, князю Белозерскому. Темный Сидеунас скоро умер и Ростов подпал под управление Рюриковых Тиунов. История позабыла все имена сих последних; но одна крестьянская сказка еще напоминает нам какого-то богатыря, боярина-удальца, чернокнижника-скворца и почти Князя: Воймига, жившего в Ростове вместе с другим наместником князем Пужарою, (повелением Князя-Государя), ликом Князя. Дело довольно сказочное... Но, иногда, подумаешь, и в самом деле этот Воймига не был ли из числа Ростовских Тиунов? Суздальская речка Воймига (провоеет мигом) одноименная с боярином-удальцом и, не так далеко течет от Ростова, в древних владениях Ассановых».

В приведенном длинном отрывке, между прочим, любопытна попытка сопоставлений легендарных имен с географическими названиями (Воймига), так любимая историками типа Макарова и приходившая иногда к комичным и нелепым выводам, а так же попытка объяснить те или иные географические названия, происшедшие от нерусских корней (л. 22) или те, происхождение которых непонятно и не может быть объяснено происхождением от того или иного понятия, выраженном в исчезнувшем, но известном, или существующем слове. В таких случаях применялось произвольное, требовавшее иногда большого остроумия и находчивости, рассечение слова, названия на два или несколько частей, созвучных с несколькими понятными словами, исходя из которых и пытались объяснить название (Воймига – провоеет мигом). Заниматься подобными домыслами очень любили наши старые «историки».

Дальнейшее изложение истории Ростова в «Журнале», доведенное до времени Ивана Калиты, является довольно поверхностно сделанным сводом сведений, имеющихся в летописях и главным об-

разом у Карамзина, с привнесением некоторых легендарных сведений. Не представляя, конечно, в настоящее время никакой научной ценности, краткий очерк истории Ростова в книжке Макарова имеет интерес как одна из первых попыток дать более или менее связную, хотя бы и очень короткую и поверхностную историю Ростова, выделив (л. 22 об.) и собрав вместе материал из имевшихся в то время печатных источников.

Как ни невелики достоинства Макарова, как писателя, как ни поверхностны и малоценны сообщенные им сведения о Ростове, книжка Макарова представляет для нас немалый интерес, как одно из ранних описаний путешествия в Ростов, и как одну из первых попыток разработки истории посещенного города.

Вскоре после выхода книжки Макарова вышло описание путешествия, в котором в числе прочих местностей России описано и путешествие в Ростов. Книга эта принадлежит А.Н. Муравьеву и называется «Путешествие ко святым местам русским». Первое издание ее вышло в С.-Петербурге в 1836 г. Книга имела довольно большой успех и выдержала несколько изданий. Автор книги – Андрей Николаевич Муравьев (1806 – 1874) пользовался в свое время довольно широкой известностью как писатель. Первые литературные выступления Муравьева были в области поэзии. В 1827 г. он издал свои юношеские стихи и поэмы в сборнике «Таврида» (Москва). В этом же году написана им пьеса «Битва при Тивериаде», поставленная на Императорской сцене в 1833 г.; (л. 23) неизданной осталась его поэма «Поток». Эти выступления в области чисто изящной литературы не были блестящи и не дали Муравьеву сколько-нибудь заметного места среди других писателей. В дальнейшей своей деятельности Муравьев почти не возвращался к этому роду литературы. Книга его «Путешествие ко святым местам в 1830 г.», изданная в СПб в 1832 г., в которой Муравьев описал свое паломничество в Палестину, явилось первой из целой массы книг по духовным вопросам, последовавшей за ней и создавшей Муравьеву известность. Книга эта выдержала 8 изданий, была встречена с большим сочувствием и определила направление дальнейшей литературной работы Муравьева. Вслед за ней он выпускает расходившиеся в нескольких изданиях свои сочинения по духовным вопросам: «Письма о богослужении» (СПб., 1836, 11 изданий, переведена почти на все европейские языки), «Изложение символа Веры Православной Кафолической церкви». (СПб., 1838, 4 издания); «О литургии». (СПб., 1841 и 42); «Первые 4 века христианства». (СПб., 1840; 3 издания); «Письма о спасении мира Сыном Божиим». (СПб., 1839 и 1844); «Письма с востока в 1849 – 50 гг.». (СПб., 1851); (л. 23 об.) «Слово кафолического православия Римскому Католичеству» (М., 1852 и 53) и много других.

С молодости набожный, воспитанный в аристократической обстановке в чувствах преданности существующему самодержавному строю, Муравьев, литературная деятельность которого приходится на эпоху Николаевского царствования, как нельзя более кстати пришелся ко времени мрачной реакции, крайнего обскурантизма, которыми отмечено царствование жандарма Европы. Основные положения реакции – православие, самодержавие и народность нашли в лице Муравьева верного и непоколебимого сторонника. Одному составляющему этой триады – православию с особой ревностью и исключительной старательностью служил всю свою жизнь Муравьев, не забывая и двух остальных. Это то служение православию путем литературных выступлений и доставило Муравьеву ту большую известность, которой он пользовался, особенно в кругах духовенства и высшего общества.

В этом обществе в конце Александровского – в Николаевское царствование под влиянием реакции усилились религиозно-мистические настроения, усилился интерес к религиозным вопросам. Духовные сочинения Муравьева явились во время, чтобы удовлетворить этой потребности. Красноречивые описания (л. 24) Палестинских и отечественных святынь, жития русских святых, впервые изложенные Муравьевым на русском языке, объяснение догматов православной церкви и изложение значения и смысла православного богослужения находили восприимчивую почву, тем более, что религиозное образование и религиозная литература на русском языке стояли чрезвычайно низко в то время, не удовлетворяя повышенный интерес общества к духовным вопросам. В обстановке домашней воспитания детей вверялось гувернерам-иностранцам и религиозная сторона его носила лишь характер формального соблюдения религиозных обрядов; преподавание религиозных вопросов в школе носило сухой и схоластический характер, удовлетворительной и доступной в смысле содержания и формы литературы по этим вопросам не было. Сочинения Муравьева, написанные несколько напыщенным слогом, но богатые красочно и живо исполненными страданиями, вполне удовлетворяли и со стороны содержания, и со стороны формы, легкой и довольно изящной, и явились первыми книгами на русском языке духовного содержания, получившими распространение (л. 24 об.) среди общества и читавшимися им.

Успех сочинений Муравьева зависел отчасти и от другой причины. Стоявшие во главе православной церкви в России учреждения и лица не остались в долгу и без благодарности к человеку, оказавшему им и столь большую пользу своей литературной деятельностью. Издания Муравьева успешно поддерживались и распространялись ими, так же как и учреждениями, ведавшими школьным образованием, служа в школе необходимым пособием при обработке воспи-

танников в духе почитания основ самодержавного строя. Об этом вспоминает Лесков в своей статье «Синодальные персоны». «В видах поощрения издателя, книги Муравьева раздавали в награду, покупая их на казенный счет, а в старших классах задавали писать сравнение между им и Шатобрианом, причем, конечно, для хорошего балла требовалось, чтобы Шатобриан был как можно ниже поставлен в сравнении с Муравьевым, – «русским Шатобрианом...»

Это было время лжи и лести, которая рсточалась повсеместно, даже там, где ею не мог любоваться тот, в угоду кому гнули и коверкали молодой ум и молодую совесть...»

Среди духовенства Муравьев пользовался большим влиянием, хотя в «Письмах Филарета к А.Н. Муравьеву», изданных (л. 25) им же не видно со стороны виднейшего представителя церкви того времени серьезного уважения к своему корреспонденту. Особенной любовью и почитанием Муравьева пользовалось черное духовенство. Уважением к ним проникнута и интересующая нас книга Муравьева «Путешествие ко святым местам Русским», вышедшая через 4 года после издания его «Путешествие ко святым местам» Палестины, книги, обратившей внимание общества на ее автора.

«Путешествие ко святым местам Русским» является как бы продолжением первой книги автора, о чем говорит он в предисловии: «Сие краткое описание некоторых обителей русских, может отчасти служить продолжением моему путешествию ко Святым местам, потому что в Палестине возникло во мне желание посетить их».

«Путешествие» Муравьева является действительно описанием богомольных паломничеств его автора. В своей книге Муравьев, главным образом, останавливается на описании обозренных им монастырей, церквей и проч., уделяя особенное внимание лицам из так любимого им духовенства и разговорам, (л. 25 об.) которые он вел с ними во время их встреч. Исторические воспоминания по поводу виденных святынь с чувством меры вкраплены в описание путешествия, не заслоняя последнего, чем страдает Макаров в своем «Пешеходце», у Муравьева они занимают столько места, сколько надо, чтобы дать читателю общее представление об истории того или иного монастыря, города, церкви, они не задерживают течение рассказа о путешествии и вынесенных из него непосредственных впечатлений. Муравьев, конечно, обладал некоторым литературным талантом, удерживающим его от вредящей неравномерности в построении описания, которое развертывается у него легко и непринужденно.

Язык Муравьева, исполненный напыщенных выражений и архаичными для торжественности оборотами, вполне литературен и легок. Форма изложения моментами принимает вполне беллетристический характер.

Переходя к обзору написанного Муравьевым о Ростове, отмечаем и здесь все те черты, что характеризуют книгу Муравьева. И здесь внимание Муравьева, главным образом, отдано представителю духовенства – архимандриту Иннокентию, изложению разговоров с которым посвящена значительная часть в написанном о Ростове, непосредственные впечатления от виденного не загораживаются историческими (л. 26) воспоминаниями, дух глубочайшего религиозного почитания и восторженного преклонения перед святынями православия переходит из страницы в страницу.

Богомольное свое путешествие Муравьев совершил по тому же маршруту, что и ранее рассмотренные нами авторы: Москва – Троице-Сергиева лавра, которой Муравьев посвятил многие страницы своей книги: Переславль, где он остановился только для осмотра Федоровского и Никитского монастырей; Ростов; следовательно, к Ростову подъезжал он той же большой Московской дорогой, что и Платон, и Р. Ра. и Макаров. Впечатления, полученные при проезде Ростовским уездом, и от созерцания великолепной панорамы Ростова на берегу озера, открывающейся перед путником при приближении к Ростову по Московской дороге сконцентрированы в коротком, но выразительном и красивом отрывке. «После мрачных Владимирских лесов, открылись мне благословенные пределы Ярославля. Стелющаяся равнина, оживленная резвыми изгибами реки, испещренная бесчисленными селами, развила предо мною свой безконечный обзор; повсюду белелись церкви как белые шапты, (л. 26 об.) поставленные для стражи сей чудной равнины. На краю ее румяное озеро Неро скопляло в себе лучи вечернего солнца, вознося над блеском вод своих белый, многобашенный Ростов, венец всей картины и желанную цель моего странствия. С закатом солнца я его достиг».

Представитель религиозно настроенной части русского аристократического общества, среди которой св. Дмитрий Ростовский пользовался в то время необыкновенным почитанием, Муравьев, конечно, разделял этот культ св. Дмитрия. Яковлевский монастырь потому был главной целью в благочестивом путешествии автора в Ростов; ему он уделяет большее по сравнению с описанием прочих ростовских святынь место. Этот монастырь первым посещает он, только что прибыв в Ростов. «Я поспешил прямо в Яковлевский монастырь к святителю Димитрию. Проходя к собору, вспомнил, что мне поручено было поклониться гробу старца Амфилохия, 40 лет молитвенно простоявшего у возглавия мощей угодника Ростовского, и не знал, где найти его могилу. Уже смеркалось, соборная трапеца была отперта, там хотел я дожидаться открытия самой церкви. Любопытство привело меня к высокой мраморной гробнице, украшенной знаками схимническими, – и я прочел имя Амфилохия! О, с

каким внутренним утешением простерся я перед сим памятником (л. 27) великого старца, многие годы светившего своими добродетелями не только пределам ростовским, но и столице. На нем почивало видимое благословение святителя, которое обильно передавал к усердным к его памяти. Чувствительная для обители потеря Амфилохия, отбывшего свою стражу!» В этом отрывке так выразительно выражено то чувство глубочайшего почитания деятелей православия, что проходит через всю книгу Муравьева.

Этим же чувством и настроением исполнено и дальнейшее описание посещаемого монастыря. «Отперли собор, отперли и тяжкую серебряную крышу раки с украшениями архиерейскими, пожертвованную благочестием Елизаветы для хранения мощей святителя, и присланную Екатериною в год ея воцарения. Открылся святой угодник, ревнитель православия, ревнитель просвещения, почивший по многих трудах, над самым тем местом, которое смиренно избрал себе для смертного отдыха не в великолепном соборе митрополии Ростовской, вместе с своими предшественниками, но в уединенной обители св. Иакова, основанном сим Епископом по несправедливом изгнании и освященный его мощами. (л. 27 об.) Здесь хотел возлечь Димитрий, и прославился, и прославил место. Я прикоснулся устами к обнаженному челу его, некогда вмещавшему столько благих помыслов для пользы церкви и отчизны, которое долго сияло для них ярким светильником и ныне точит исцеление болящим».

Яковлевским монастырем в это время управлял архимандрит Иннокентий (илл. 2), настоятельствовавший долгие годы с 1818 по 1847, пользовавшийся огромной популярностью не только в Ростове, но и за его пределами. «Никто, посетив монастырь и отстояв службу его, не уходил, не зайдя к батюшке. Весь Ростов, все духовенство, бра-

Илл. 2. Неизвестный художник. Портрет архимандрита Иннокентия. 1843. Х., м. Собрание Ростовского музея.

тия различных монастырей и все знавшие не называли его иначе. Иннокентий, человек умный и весьма тактичный, поднял благосостояние монастыря на высокую степень. Он сумел поддержать и углубить то настроение религиозного подъема, которое возникло после открытия мощей Димитрия и держалось целое столетие, начиная сильно спадать с середины 19 ст., после смерти Иннокентия. Иннокентий умело пользовался расположением к монастырю со стороны влиятельных лиц, ловко извлекая выгоды и преимущества для монастыря, материальное положение которого в эпоху настоятельства расчетливого и хозяйственного Иннокентия достигло цветущего состояния, которого не знал монастырь ни до, ни после Иннокентия. В монастырь стекалась масса пожертвований и (л. 28) вещами и деньгами, дававших возможность окончить начатую раньше с середины 18 ст. и непрерывно продолжавшуюся в течение конца 18 и начала 19 ст. обстройку монастыря. Во время настоятельства Иннокентия Яковлевский монастырь приобрел свой облик благоустроенного и богатого монастыря, который сохранился до последнего времени, почти, к счастью для художественного ансамбля монастырских построек, без всяких дополнений и забот со стороны своих преемников.

Муравьев отдал большое внимание воспроизведению своих бесед с Иннокентием, бывшим уже на склоне лет. В описании Муравьева Иннокентий рисуется весьма приветливым, радушным, обходительным и внешне простодушным человеком, чья неторопливая с образными сравнениями, с мягкой иногда усмешкой речь так располагала в его пользу многочисленных пленников монастыря, удививших очарованными добротой и приветливостью умного архимандрита, терпеливо, не смотря на часто болезненное состояние, принимавшего их. Муравьев в первый же день пребывания своего в Ростове посетил Иннокентия. «Тогда же посетил я архимандрита И...я, (л. 28 об.) достойного племянника Амфилохия. – Дряхлый старец, удрученный болезнями, с трудом мог подняться с своих кресел, чтобы приветствовать во мне прежнего своего знакомого.

«Я видел из окна, как вы с недоумением ходили по монастырю,» радушно сказал он, «и хотел уже послать монаха, чтобы он вас проводил в собор, ибо я всегда так делаю с новыми пришельцами еще не знающими обители. Хожу и действую я весьма криво, милостивый государь, по крайней мере сию прямо: против меня угодник и к нему указываю я всем дорогу».

«Где же найти лучшего указателя, – отвечал я, – вы уже так давно на страже у святителя. –

«Да, – кротко отвечал он, – благодаря угодника, вся жизнь моя обтекла кругом сего озера, или лучше сказать, я только перевезся с одного берега на другой. Когда вы взойдете завтра на ограду, или на

ту башню, которую я себе приготовил для покоя, вы увидите за озером высокую колокольню села Поречья, где я долго был приходским священником. Там и дед мой и прадед имели счастье быть посвященными от руки самого Святителя, и я сам, не смотря на все грехи мои, достиг приюта только милостию угодника».

- И так я здесь как бы в его семействе, – сказал я, – тронутый живою любовью Архимандрита к св. Димитрию...

- «Желаю духовного родства сего себе и вам», – отвечал Архимандрит, – и благословил меня провести ночь на соседнем подворьи».

На другой день «рано утром» – продолжает Муравьев – «я уже нашел почтенного старца сидящим опять в своих креслах, посреди богомольцев, которые один за другим приходили принять его благословение. Каждого принимал он ласково, спрашивая имя, и надевая образком, отпускал с назидательным словом».

Эти приемы многочисленных богомольцев, сопровождаемые назидательными беседами и раздачей образков, стоившие архимандриту при его болезненном состоянии, вероятно, немало труда и, вероятно, сильно содействовавшие его популярности, отмечают и другие современники, оставившие записки о монастыре или об Иннокентии.

В числе прочих строительных работ, Иннокентием на средства графини А.А. Орловой-Чесменской, так широко благотворившей монастырю, был построен Яковлевский храм в монастыре, украшенный внутри живописью художника Медведева. (Храм закончен постройкой в 1836 г.)

(л. 29 об.) Архимандрит в разговоре так рассказывал о постройке этого храма. «Прошу вас заглянуть ... в новый собор, который Господь сподобил меня окончить, истинно пособием угодника, ибо у меня не было ни денег, ни средств, и все неожиданно явилось. Посмотрите на живопись: самый художник, покойный академик Медведев был для меня даром Божиим, по его благочестию. Верите ли, государь мой, что он не иначе приступил к письму, как причастившись св. Таин, и прямо из церкви взялся за кисть, не вкушая никакой пищи, пока не начертал лика Господня на сводах алтаря, и так всегда без пищи и с молитвою начинал он писать образ Спасителя или Божией матери. Редкое благочестие! За то Господь увенчал полным успехом его труды, и вы верно полюбуетесь живописью. Прошу Вас в церковь». Живопись Медведева понравилась Муравьеву «И точно стенное писание было превосходно, соединение древнего и нового вкуса, чего я нигде не встречал», – пишет Муравьев, описывая далее сюжеты росписи. После обедни в монастыре Иннокентий, не оставивший своими заботами путника, «дал мне своего наместника Флавиана, чтобы посетить знаменитый древностию собор Ростовский и другие обители сего некогда славного города».

Перед отъездом из Ростова автор, остановившийся (л. 30) где-нибудь поблизости от монастыря, еще раз заехал в монастырь. Предупредительный Иннокентий не пропустил случая с честью проводить почтенного и влиятельного пономника, отслужив молебен и напутствовав добрыми пожеланиями. «Когда все уже было готово, почтенный архимандрит послал наместника еще однажды отслужить для меня молебен, над мощами святителя Димитрия; потом благословил меня иконою и напутствовав благими советами, просто вытекавшими из его смиренного сердца, спросил наконец:

«Кажется я все сказал, что же еще нам остается?»

- Мне остается только, – отвечал я, – просить вашего последнего благословения и молитв, – и мое сердце стеснилось при сих словах.

«Итак помолимся!» – Сказал И...й, – не знаю, свидимся ли еще, я уже весьма ветх». И он стал молиться с такой такою теплою верою, с таким сердечным умилением, что мои прощальные слова обратились в слезы, и я уже молча оставил старца и его обитель».

Из ростовских святых Муравьев посетил собор, кремль и монастыри.

В соборе важного посетителя ожидал, очевидно, предупрежденный «почтенный протоиерей Т...й» (л. 30) «Я поражен был величием собора». «До сих пор храм сей по своему зодчеству и по обширности, один из лучших нашего Отечества, не уступая красотой Владимирскому, который послужил ему образцом и почитался совершенством своего времени». Краткие исторические сведения о соборе грешат неточностями; так автор сообщает, что нынешний собор заложен в 1213 г., не упоминая о происходивших в последующие времена разрушениях, поправках и переделках собора, который, конечно, нельзя считать памятником 13 ст.

«Четыре великие столба поддерживают его славу: мощи четырех его святителей – основание Ростовской церкви», – пишет Муравьев, в выпрепных словах повествуя о Ростовских святых, мощи которых находятся в соборе; дальше перечисляет он ростовских архиереев, чьи гробницы идут вдоль стен собора; воспоминания о патриархе Филарете, хотя и не похороненного в соборе «отсутствующем прахом, но всегда внутри его пребывающем своею памятью», задерживают автора; в велеречивых словах говорит он о премудром проведении, устрояющем благоденствие России под скипетром Романовых, «достойных потомков» Филарета. Вспоминая подвиги Филарета при нашествии на Ростов «литовских людей» и переславцев, когда Филарет заперся в Ростовском Успенском соборе, не желая сдаваться врагам и силой был взят в плен, Муравьев приводит (л. 31) длинную выдержку из соборной летописи Ростова, излагающую это событие.

Очень короткие, но и очень интересные воспоминания оставил Муравьев о Кремле, находившемся в то время в состоянии сильного

запустения и ветхости, близкого к полному разрушению. Все церкви кремля были запечатаны, а вход в ц. Григория Богослова был заложен «из опасения ея ветхости». Постройки Кремля произвели на Муравьева сильное впечатление, он находит их великолепными. Особенно поразила его группа Воскресенской церкви с воротами – здания готического, как называет его Муравьев, применяя, как то обычно делалось в конце 18 – начале 19 ст., это определение стиля для здания, выстроенного в древне-русском стиле. «Подле самого собора каменная обширная ограда, в виде кремля, с зубцами и бойницами и с пятью на стенах ея церквами, окружает митрополию Ростовскую, великолепно построенную митрополитом Ионою, во время его долгого правления, и пришедшую в совершенный упадок, с перенесением кафедры архиерейской в Ярославль. Главныя ворота ея, обращенные к собору, особенно замечательны своим готическим зданием; над ними церковь (л. 31 об.) Воскресения, ныне запечатанная как и все прочие, расписана стенным письмом. Не уступает ей и другая Одигитрия близ ограды, воздвигнутая митрополитом Иоасафом Лазоревичем, преемником Ионы, и третья Иоанна Богослова на западной стене. Вход в четвертую церковь, бывшую монастырем св. Григория Богослова, где постригся св. Стефан Пермский, закладен из опасения ея ветхости».

Пройдя по переходам и через Белую Палату, Муравьев вышел на полуразрушенную террасу, сохранившуюся еще в то время и окончательно уничтоженную в 1880-х гг. Терраса эта соединяла Белую палату и церковь Спаса на Сенях с митрополичьим домом (Самуилов корпус). «Я пробирался все далее по зубчатым переходам стен в обширную трапезную палату, где некогда пиروвал Петр великий, поддерживаемую одним столбом посередине, на подобие Московской грановитой, и достиг, наконец, на юго-восточном углу ограды до провалившейся террасы, между самим жилищем архиереев и их домовую каменную церковью всемилостивого Спаса».

Состояние митрополичьего дома особенно поразило Муравьева. Войти в полуразрушенное жилище ростовских митрополитов уже не было возможности. «Опустение сих величественных зданий, которые еще не успели совершенно развалиться, производило на меня (л. 32) грустное впечатление, но еще более стеснилось сердце, когда я с опасением пройдя по террасе, заглянул сквозь окно в самую келлию, где по преданиям жил и преставился святитель Димитрий. Войти в нее было уже невозможно; она угловая во втором ярусе и обращена к церкви Спаса: остаток хоров над дверями показывает что ее хотели обратить в церковь; и где бы можно приличнее устроить оную как не на том месте, на котором святая душа коленопреклоненного угодника с последнею молитвою тихо отлетела ко Господу!».

Угловая юго-восточная комната 2 этажа Самуилова корпуса, о которой говорит Муравьев, действительно при перделке митропо-

личьего дома Архиепископом Самуилом в 1770-х годах предназначалась для церкви и была в высоту 2 и 3 этажей, без существующего в настоящее время пола, разделяющего комнату на два этажа, причём ход на хоры, упоминаемые Муравьевым, находившиеся на высоте 3 этажа был из соседних комнат этого этажа.

Кроме собора и митрополии Муравьев посетил монастыри Авраамиевский, Петровский, (л. 32 об.) и Варницкий, где беседовал с проживавшим там в это время бывшим епископом Оренбургским Августином. К сожалению, автор ограничился лишь краткими историческими данными о монастырях, не описывая их.

РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 11. Иванов П.С.

**

- 1 Карамзин, Николай Михайлович. Бедная Лиза. [М.] иждивением любителя литературы [1797].
- 2 Измайлов Владимир Васильевич. «Ростовское озеро» (Приятное и полезное препровождение времени). 1795. Ч. 5 – 6.
- 3 Измайлов Владимир Васильевич. Путешествие в полуденную Россию. В письмах изданных Владимиром Измайловым. Ч. 1 – 4. М., в Университетской типографии, у Ридигера и Клаудия, 1800 – 1802.
- 4 Шаликов, Петр Иванович. Путешествие в Малороссию, изданное к. П. Шаликовым, М., у Любя. Гария и Попова. 1803.
- 5 Карамзин, Николай Михайлович. Письма русского путешественника. Ч. 1 – 5. М., в Университетской типографии у Хр. Ридигера и Хр. Клаудия, 1797 – 1801.
- 6 Макаров, Михаил Николаевич. Журнал пешеходов от Москвы до Ростова, и обратно в Москву. Изд. М.Н. М. к.р.д. М., Унив. Тип. 1830.
- 7 Чулков Михаил Дмитриевич (1740 – 1792) – русский писатель, историк, этнограф, экономист. В 1769 издавал один из первых в России сатирических журналов «И то и сьо», в 1770 – ежемесячник «Парнасский щепетильник». С 1770 служил в Сенатской канцелярии. Вошел в историю русской фольклористики как первый издатель и систематизатор рукописных песенных сборников, опубликованных в 1770-74 под заглавием «Собрание разных песен».
- 8 Елагин Иван Перфильевич (1725–1794), российский государственный деятель, писатель, член Российской академии (1783). Видный деятель русского ма- сонства. В 1766–1779 директор придворного театра. Автор исторического труда «Опыт повествования о России».
- 9 Новиков Николай Иванович (1744–1818). Выдающийся русский просветитель, общественный деятель, писатель. Издатель сатирических журналов «Тру- тень» (1769), «Живописец» (1772), «Кошелек». Позднее начал издавать источники по русской истории. Им была издана «Древняя российская вивлио- офика, или Собрание разных древних сочинений».
- 10 Радищев, Александр Николаевич (1749 – 1802) – русский писатель, философ. Автор произведений «Слово о Ломоносове» (1780), «Письма к другу, жи- тельствующему в Tobольске» (1782), оды «Вольность» (1783) и др. В 1775 г. он начал писать свою знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», которую окончил в 1790 г. Вскоре после издания книги Радищев был арестован и приговорен к смертной казни, замененной ему 10-летним заключением в Илимске.
- 11 Шаликов, Пётр Иванович (1767 – 1852) – князь, писатель и журналист. Редак- тор «Московских Ведомостей». Издавал журналы «Московский Зритель» (1806), и «Аглая» (1808–12). «Дамский Журнал» (1823–33).

Барокко и классицизм в строительстве Ростова.

В самом конце 17 ст. закончилась интенсивная застройка Ростова каменными зданиями, – строительная деятельность, находящаяся в руках ростовских митрополитов, в связи с переходом значительной части доходов Архиепископского дома в казну. В период времени с последних лет 17 ст. по 1745 г. в Ростове не построено ни одного каменного здания^а. 2 половина века характеризуется усиленным после долгого застоя строительством. Строится значительная часть приходских церквей в стиле барокко и, главным образом, в конце столетия в классическом. Однако, это строительство не оставило сколь-

^а Первой после почти полувекового перерыва построена была ц. Николая Чудотворца на Подозерье в 1745 г. Церковь совершенно бесстильна хранит отголоски приемов стройки 17 ст. в характеристике стен в расположении небольших окон. Следующими по времени сооружения церковного же характера явились церкви Иоанна Милостивого (1761 г.) и Иоанна Предтечи (1763 г.), любопытные как образец провинциального строительства и живучести строительных приемов и традиций 17 ст., оказавшихся действительными, несмотря на длительный перерыв. Особенно традиция эта сказывается в прорыве глади стен небольшими окнами с арочными верхами; рисунок окон. В интенсивную строительную деятельность митрополита Ионы Сысоевича не ворвались элементы барокко, хотя расцвет этой деятельности (нач. 70-х и 80-х гг. 17 ст.) приходится на время когда в Москве, да и в соседнем Ярославле прорвавшееся с запада барокко властно направило архитектурную деятельность по линии восприятия западно-европейских форм этого декоративного стиля, так понравившегося на Руси и получившего такую своеобразную и оригинальную переработку на русской почве. Художественным вкусом Ионы не овладели новые формы строительства. Его вкусы тяготели назад к простоте и конструктивной ясности гладких плоскостей и <неразбор> деталям объемов Новгородской и ранней Московской архитектуры. Используя, с разборчивой осторожностью, достижения последних архитектурных форм, Иона создал своеобразный и оригинальный стиль своих построек, глубоко конструктивный и ясный по существу и совершенно чуждый декоративной чепорности барокко. Влияние Ионы сказалось на незначительном количестве построек русского барокко в Ростове, т.к. период времени от смерти Ионы до резких реформ Петра, убивших питающую, строительную почву, тот период времени, когда преемник Ионы – Иоасаф Лазаревич принес с Украины новые вкусы и новые формы строительства, длился недолгое 10-летие. В это 10-летие в самом Ростове воздвигнут всего 1 памятник нового стиля – барокко в его русской переработке. Этим памятником является церковь Одигитрии в Ростовском Кремле. Представляет тип традиционной церкви Нарышкинского стиля, наиболее богатое и великолепное выражение, получившее в Троицкой церкви Троицкой Лавры. Одигитриевская церковь, конечно, не может стоять в художественных достижениях в уровень с Ионинскими церквями Кремля. Достаточно робкая компоновка объемов и мятый рисунок деталей выдает небольшого мастера. Нижний храм в плане шире, вероятно, чтобы дать место открытому обходу, слишком узкому, чтобы быть логически оправданным. Плоскости стен обработаны парными подколонирами. Наличники нижнего яруса тяжеловаты и довольно просты. Соотношение их на стене между этажами и гладью стен архаично. Арханчен и силуэт церкви.

ко-нибудь ценных памятников эпохи и стиля. Как на характерный образец провинциальной постройки в стиле барокко можно указать на ц. Леонтия (1772 г.) величественно стройную, хороших пропорций и силуэта, с прекрасным богатейшим резным иконостасом внутри. Близкий по характеру иконостас находится в ц. Николая Чудотворца. Начинают воздвигаться и частные каменные дома. Два интересных барочных дома сохранились на Заровских улицах – против церкви Леонтия и другой – на Малой Заровской. Дома очень похожи друг на друга и, видимо, строились одним зодчим. Оба они имеют богатые, хорошо нарисованные наличники окон, придающие домам нарядную уютность^б. Интересен с бытовой стороны, как типичный купеческий особняк конца 18 ст., дом на той же Малой Заровской улице с проездными воротами в нижнем этаже и круглыми над воротами окнами, овеянный воспоминаниями крепкой замкнутой жизни. В доме сохранились хорошие расписные потолки^б.

^а Эти два дома являются чрезвычайно ценными памятниками жилой постройки – особняки стиля барокко, чрезвычайно теперь редко встречающиеся в наших городах. Особенно велика их ценность не только как памятника художественного строительства, хотя и в этом отношении они выдержат критику, но и главным образом как памятник типичного провинциального строительства эпохи барокко, типичного и в бытовом и архитектурном отношении.

^б Время переходное от барокко к классицизму оставило в Ростове огромный Самуилов корпус. В постройке его, хотя и строился он в 1770-е годы, когда в Ростове еще вполне силен был и не вышел из моды барокко, сказались уже новые течения простоты и ясности классицизма, начавшего с 1760-х годов проникать в Россию и твердо завоевывать сочувствие к себе. В Самуиловом корпусе элементы классицизма властно уже заявили о себе в прямых и строго-спокойных линиях деталей здания, почти лишенного украшений, глади стен которых оживлены лишь несколькими вытянутыми пилястрами в центре и боковых крыльях. Отголоски барокко сказались еще в небольших чердачных окнах, и в отношениях между рядами окон 3-х ярусов. Занимая слишком невыгодное положение рядом с памятниками Ростовского Кремля, в идеальный архитектурный ансамбль которого, он врывается досадным диссонансом, Самуилов корпус воспринимается как заурядное казарменное здание. Лишенное известных архитектурных достоинств оно сильно выиграло бы будучи построено в другом месте. Новые течения захватили и начавшуюся обстройку Яковлевского монастыря. К 1776-86 гг. относится ограда монастыря, с типичной для времени, переходного к классицизму, обработкой стен, с слегка выдвигающимися прямоугольниками и другими геометрическими фигурами, с маленькими круглыми окнами нижних ярусов башен. Верхние готические ярусы были построены позднее. В это же десятилетие построена трехъярусная колокольня монастыря. Два верхних яруса имеют скучную и робкую обработку (л. 4 об.) вносящую досадную фальшивую ноту в стройно звучащий комплекс различных по стилю, но сожившихся зданий. Гораздо интереснее и стильнее обработка нижнего яруса колокольни с проходящими под колокольней воротами. В расположении колонн и в обработке пристроенных по сторонам крыльев сказываются примененные в упрощенном виде рисмы [пропуск в тексте] поставленные попарно колонны с высокими каменными лестницами, ведущими в пролет, составляют оживленные и эффектные группы.

Дом
Щаповой
на По-
кровск.

Илл. 1. Дом Щаповой на Покровке. Из книги Бориса Фон Эдингга. Ростов Великий. Углич. М., 1913.

1 половина 19 ст. обогатила Ростов рядом хороших классицистических построек. Однако не все эти памятники классицизма, столь оживившего строительство русской провинции, дошли до нас. Последние десятилетия унесли с собой несколько прекрасных построек этой эпо-

Конiec 18 ст. подарил Ростов наиболее совершенной, наиболее значительной постройкой в стиле классицизма, какой является великолепный Шереметевский храм Яковлевского монастыря, законченный постройкой в 1801 г. Несмотря на изысканные классические детали в общей группе храма в той ногражданственности деталей, которые особенно заметны в боковых портиках, в вырезках на тимпанах, сказались вкусы предшествующей эпохи барокко, делая его образцом классического храма с наслонениями провинциализма, присущего вообще Казаковской школе, в традициях которого и выполнена постройка Шереметевского храма. Зато характер подлинного, чистого классицизма имеет западный портик храма, с изумительно стройными великолепными пропорций колоннами, заставляющими вспомнить великого Кваренти.

Отметим попутно, что в том же Яковлевском монастыре сооружено посредственное повторение Шереметевского храма – церковь св. Иакова. Самое начало 19 ст. оставило в Ростове совершенно необычное для эпохи характера постройку. Это готические башенки и ворота Яковлевского монастыря, надстроенные в 1811 г. над основаниями конца 18 ст. Увлечение готикой непродолжительное и не оставившее значительных следов, наблюдалось с 80-х гг 18 ст. Возродилось оно под влиянием романтических настроений в 1830-е гг. Но чтобы в готике было что-либо построено в 40-е гг. в эпоху самого расцвета Ампюра, представляется совершенно невероятным. Однако это так и башенки Яковлевского монастыря говорят о каком-то капризном экзотическом вкусе их строителей. Самая готика их, с привлечением отдельных элементов ампюра и барокко, носит какой-то особый характер, сообщающая фантастический характер всей монастырской группе.

Ростов Великий.

Трактир „Ростов“ Мордашова.

Илл. 2. Трактир «Ростов» Мордашева. Из книги Г.К. Лукомского «Памятники старинной русской архитектуры России в типах художественного строительства». Петроград, 1916.

хи, безжалостно и недело перестроенных и вовсе уничтоженных. Обзор ростовских классических памятников гражданского назначения приходится начинать с мартилога, может быть, наиболее интересных из них, уже несуществующих более, но еще не так давно украшавших улицы города. Испорчен удивительно милый и уютный домик на Лазаревской улице Путилова: уничтожены балконы с простыми деревянными колоннами и фронтоном с вырезанными полукружием в тимпане. С уничтожением их отлетела хрупкая предель этого простого домика с рустовкой на углах и лепными украшениями над окнами. Совершенно уничтожен интересный дом на углу Покровской и Рождественской улиц с его смело взятыми сильно выдвинутыми деревянными пилястрами. Уничтожены колонны дома Щаповой на Покровке, (илл. 1) чем уничтожен вконец строгий и вместе уютный облик особняка. Сгорел трактир Мордашева в Кремле, с его внушительным фасадом, украшенным колоннадой грузных дорических колонн. (илл. 2) Из сохранившихся построек эпохи классицизма великолепным образом следует признать дом бывший Быковой на Ивановской улице. (илл. 3) Дом деревянный двухэтажный, причем второй этаж приходится только под средней частью дома, боковые части одноэтажные, рустованы по уг-

Ростов Великий.

Дом Быковой.

Илл. 3. Дом Быковых из книги Г.К. Лукомского «Памятники старинной русской архитектуры России в типах художественного строительства». Петроград, 1916.

лам. Двухэтажная часть дома, увенчанная невысоким, строгим фронтонном, украшена по фасаду четко выступающими пилястрами с богатыми коринфскими (л. 1 об.) капителями, вырезанными из дерева. Между окнами первого и второго этажей помещались, теперь почти совсем исчезнувшие, так же из дерева, вырезанные, хорошо сочиненные украшения. Под окнами нижнего этажа между основаниями пилястр шли перила из баясин. Дом великолепных пропорций и изысканных деталей говорит о высоко развитом и тонком вкусе строителей и эпохи. Впечатление строгой величавости и классической стройности достигнуто здесь вполне. Совершенство, достигнутое в этой постройке, ставит ее в ряд интересных, не только с бытовой, но и с художественной стороны зданий³.

³ Великолепным примером богатого купеческого дома особняка, с огромным двором и многочисленными надворными постройками, говорящими о простой и обильной жизни владельцев, является дом б. Кекиной на Покровской улице. Ценным и интересным по своей цельности, хорошо сохранившимся ансамблем нач. 19 ст., который составляет дом, несколько надворных каменных и деревянных построек и каменный забор с воротами. Окна второго этажа части переднего фасада украшались великолепными наличниками «неразб.» из изящно и сочно вылепленных пересекающихся венчиков. Интересен вход на боковом фасаде с хорошим навесом и красивыми перилами. Хорош массивный каменный забор с тяжеловатыми воротами, на которых так забавны маленькие львы.

К 30-м же годам относится сооружение Гостиного Двора. Почти все рассмотренные постройки находятся на тихих улицах Ростова, вдали от административно-торгового центра города, получившего свою распланировку в конце 18 ст. по ясной и простой схеме. Зерно города – Кремль и валы, с маленькими улицами и площадями между ними, где сосредоточилось все небольшое управление и торговля города, окружилось зеленым кольцом обширных пустых площадей, где когда-то шумела Ростовская ярмарка, за этими площадями тянулись широкие прямые улицы. Эта распланировка осуществлявшаяся в начале XIX ст., совершенно изменила старый облик города. Благодаря ее почти целиком застроились новыми зданиями центральная часть города, в значительной степени хранящая тот облик, какой она получила в начале прошлого века. Тянутся в разные стороны длинные аркады торговых рядов, строгие кое-где колоннады выступают из плоскостей зданий, выются аканфовые узоры по глазам стен и аттиков. И, несмотря на некоторые переделки и выстроение нескольких новых построек, еще силен и целен уголок провинциального городка с типичной застройкой начала XIX ст. (улица и переулок Советские, часть улицы Белинского).

Особенно интенсивно идет строительство в 1830-х годах. К 1830 г. относится закладка торговых соборных рядов. Низкие ряды с арочными пролетами дверей украшены богатым аттиком с аканфовыми разводами и изображениями в них рогов (л. 2) изобилия с пышно выступающими из них фруктами и цветами, сочно выполненными. Ряды прерываются воротами в соборную ограду, украшенную колоннами и скромными впадинами в форме ромбов и овалов.

В 1831 устроены Емельяновские ряды, кое-где попорченные переделками. Длинные ряды прямоугольных входов торговых помещений с полукруглыми над ними окнами прерваны в центре проходом и группой колонн под фронтоном, колоннами украшены и боковые крылья рядов.

Гостиный двор, бесконечные аркады которого тянутся с четырех сторон большого прямоугольника, занятого двором. Обработка Гостиного двора очень проста и немного скучновата. Длинные гладкие аркады ничем не прерваны.

Вероятно к этому же времени относится и постройка бывшего Хлебникова дома, сейчас Дворец Труда, принадлежащая, по-видимому, строителю соборных лавок. Фасад трехэтажного здания расчленен на высоте 2 и 3 этажа пилястрами и богато украшен в промежутках между окнами этих этажей завитками аканфов, обвивающих роги изобилия – орнамент, напоминающий украшения аттиков соборных рядов.

Мытный двор, находящийся на одной из площадей, окружающих центр города, начат постройкой в 1830 г. Он занимает обшир-

ный четырехугольник. Северные и южные стороны его обработаны аркадами несравненно более мягких и выписанных пропорций, чем аркады Гостиного двора, и прерываются в центре широкими проездыми воротами под мощным фронтоном. Боковые западные и восточные стороны имеют совершенно гладкие стены с большими квадратиками впадинами. Трое огромных во всю стену прямоугольных ворот увенчаны оригинальными в тимпане с тремя арочными вырезами над воротами и дают несравненное живописное пятно. Особенно хорош мытный двор с северных и восточных сторон, где он сохранился вполне: прелестны его вдаль уходящие аркады, с мягкой игрой света на гладких столбах и стенах. Двор приходит в ветхость, кое-где покосились арки, но этот налет разрушения и времени овеивает его элегичной прелестью старины.

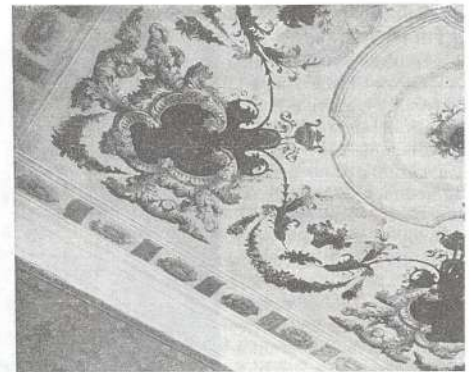
(л. 2 об.) Против Мытного двора находится Городской сад с его чудесной оградой (также 30-е гг.). Ограда из тридцати каменных круглых столбов заканчивающиеся [пропуск в тексте] на которых помещаются шары, с вставленной между столбами решеткой простого изящного рисунка, прерывается посредине для входа, образованного двумя мощными пилонами, украшенными нишами <неразб.> и низкими аттиками. По краям сада сохранились старые дома тюрьмы хороших простых масс и бывшей Титовской богадельни с пилястрами и аттиком. Эти дома вместе с решеткой сада и Мытным Двором напротив составляют прекрасный и типичный уголок города, выдержанный в духе провинциального классицизма.

Из церковных построек эпохи классицизма, кроме построек Яковлевского монастыря, отметим церковь св. Лазаря (1809 г.) и красивую колокольню церкви Всех Святых (1820); не менее прелестна паперть собора Петровского монастыря, особенно внутри, где она напоминает внутренность греческого храма своими нишами, колоннами и куполом^а.

Образцами прикладного искусства, тесно связанного с архитектурой, являющиеся неотъемлемой частью внутренней обработки зданий, являются иконостасы. В ростовских церквях имеется ряд прекрасных иконостасов в стиле русского барокко. К весьма распростра-

^а Эпоха Николаевской готики не оставила в Ростове ничего значительного. Но очень любопытен пример постройки в этом стиле – западная паперть Яковлевского храма богато и нарядно сработанная. Поставленные в ряд 6 пар колонн, воспроизводят колонны западного портика Шереметьевского храма, с окнами между ними, разделенными на три части маленьких колонок и заканчивающиеся заостренными чрезвычайно эффектными. Над стеной паперти – грузный паралет, составившийся из нескольких в ряд стоящих барочного типа тяжелых аттиков. На колоннах любопытны пирамидки готически вытянутые, с перехватом внизу и шаром вверху. Примером гражданской постройки в духе Николаевской готики является здание Суда на Б. Заровской улице с интересной формой окон 2 этажа и хорошей уборкой карниза лепными украшениями.

Роспись потолка дома О. Д. Мальгиной.

Илл. 4. Роспись потолков в доме Мальгиных. Из книги Бориса Фон Эдингга. Ростов Великий. Углич. М., 1913.

ненному типу относятся иконостасы многоярусные с колоннами, перевитыми ветвями с гроздьями винограда, излюбленному в конце 17 – 1 половине 18 ст. Таких иконостасов в Ростовских церквях несколько. Наиболее ценными, великолепными по работе и тонкости резьбы являются иконостасы собора и соборного храма Авраамиева монастыря, в котором резьба достигла поразительной легкости и свободы, достигая эффекта парадности. Другого типа великолепно, дающий впечатление тяжеловатой торжественности, иконостас ц. Одигитрии.

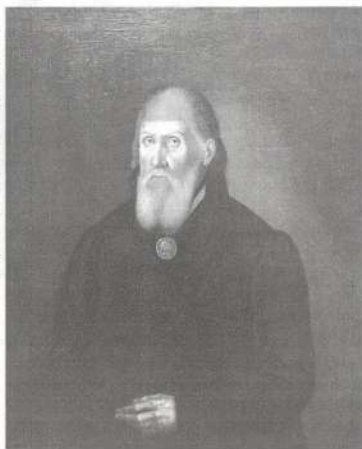
1850-м годам принадлежит тяжеловато-пышный дом б. Мальгиных (музей Наглядных пособий). В доме великолепно сохранилось внутреннее убранство, современное постройке дома, но выполненное еще в классическом характере. Так долго жил в провинции классицизм. Прелестна роспись потолков гирляндами, цветами, вазами. (илл. 4). Вообще же старое убранство и обстановка домов в Ростове не сохранились. Можно отметить лишь роспись потолков в д. № [пропуск в тексте] по Заровской улице, да интересные печи нач. XIX ст. в доме № 28 по Покровской улице и в д. [пропуск в тексте] по Ильинке. Великолепная печь в одном из домов Борисоглебской слободы, убранная гирляндами и вазами в стиле Людовика XVI.

Ни одна из позднейших построек (после классицизма) Ростова не представляет никакого интереса. Падение вкуса так очевидно на этих постройках. Ушло время широкой строительной деятельности начала столетия, подарившей город несколькими зданиями хорошего вкуса и мастерства.

РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 3. Иванов П.С.

Титовский богаделенный дом

В 1835 году ростовский 2-й гильдии купец Андрей Абрамович Титов¹ (илл. 1) задумал учредить в Ростове богаделенный дом на собственное свое иждивение для призрения от 25 до 30 человек обоего пола². Для обеспечения существования учреждаемого богаделенного дома, купец Титов изъявил намерение внести впредь на вечное время 100.000 р. с тем, чтобы проценты с внесенного капитала употреблялись на содержание нового ростовского учреждения; для помещения же сего заведения Титов предложил купить готовый или выстроить новый дом на особо определяемую сумму от 20 до 30 т. руб.

Илл. 1. Крылов А.Ф. Портрет ростовского купца А.А. Титова (1771- 1842), 1866. Х., м. Собрание Ростовского музея.

Получив сведения о «таком благотворительном намерении купца Титова», Ярославский военный губернатор отнесся к министру внутренних дел, а последний довел о намерении Титова до сведения комитета г. министров, «полагая между прочим: 1) дозволить купцу Андрею Титову учредить в Ростове богаделенный дом, на собственное иждивение, приняв и сделанное им приношение на содержание сего заведения. 2) в управлении богаделенным домом руководствоваться положением, в Министерстве Внутренних дел, составленном и собственно для онаго заведения приспособленным». «Комитет г.г. (л. 2) Министров положил: представление г. Министра Внутренних Дел утвердить, поднеся означенный проект на Высочайшее Его Императорского Величества благоусмотрение. Государь Император такое положение Комитета утвердил, а проект положения для управления предполагаемым богаделенным домом рассмотреть изволил в Москве 5 мая 1835 г.». Правительствующий Сенат, рассмотрев изложенное выше, приказал для приведения означенного в исполнение «учинить г. Министру Внутренних дел зависящие от него распоряжения» (Указ Сената от 17 июня 1835 г.). 29 мая Ярославский Военный губернатор, извещал Ростовскую Градскую Думу о состо-

явшемся Высочайшем повелении об учреждении в Ростове богаделенного дома купцом Титовым, на сделанное им приношение в 100.000 руб., писал «устроение здания богаделенного дома представить самому купцу Андрею Титову а в случае его смерти наследникам его Николаю и Павлу Наумовым на счет определяемого на сие Титовым собственного его капитала». Одновременно губернатор, извещая Титова о состоявшемся утверждении его желания устроить богаделенный дом, просил его, чтобы назначенный на содержание богадельни капитал в 100.000 руб. билет сохранной казны СПб. Опекунского Совета доставил он в Градскую Думу. Думе же предлагалось принять и хранить билет и рекомендовалось, когда устроится (л. 3) богадельня «принять в обязанность наблюдать, чтобы в приеме в богаделенный дом людей сохранялась строгая разборчивость, чтобы по сему принимаемы были те только, кои единственно по старости или увечью не могут снискивать себе пропитание своими трудами, и которые впали в нищету не от разврата, чтобы увечьным отдаваемо было преимущество в приеме, и чтобы те из богаделенных, которые имеют силы, непременно были занимаемы рукодельными работами и не проводили жизнь в праздном бездействии» (отд. губернатора № 3137).

2 июля того же года А.А. Титов подал в Думу объявление, в котором сообщал, что назначенный на содержание дома капитал внесен им в СПб. воспитательный дом, квитанцию которого Титов и представлял в Думу. Между тем Министр Внутренних дел предписанием от 4 августа (№ 796) известил губернатора о состоявшемся «Высочайшем повелении по положению комитета господ министров последовавшего» 16 июля сего года о дозволении «Титову построить в Ростове здание богаделенного дома по плану в Главном Управлении рассмотренному и утвержденному на месте им избранном близ Девичьего монастыря и городского сада на берегу озера Неро, назначенном по Высочайше подтвержденному плану города Ростова под площадь». В силу этого (л. 4) предписания Губернское Правление указом от 27 августа (№ 22466) предписало Градской Думе отвести потребное пространство земли под постройку здания в указанном месте; на отведенный участок земли выдать Титову план; предоставить Титову построить здание для богадельни по прилагаемому и препровожденному плану и фасаду, в Главном Управлении путей сообщений исправленному³. Подлинный план и фасад был препровожден в Ярославскую Губернскую Строительную Комиссию с просьбой снять копию и доставить оную купцу Титову для руководства. Копия послана была также в Ростовскую Градскую полицию. К сожалению, ни в делах Думы, ни в делах полиции плана и фасада не нашлось.

К постройке здания богадельни Титов приступил, очевидно, с 1836 года. Так как здание строилось исключительно распоряже-

нием самого Титова, в делах Думы о постройке здания никаких сведений не имеется. Весь 1836, 1837 и начало 1838 года ушли на постройку дома, к 1 апреля 1838 г. постройка была закончена. В этот день Титов подал в Думу объявление в котором извещал Думу, что «дом с надворною постройкою ныне окончен и предложит к сдаче в распоряжение оной Градской Думы, но как устроитель богадельни, желая заведению сему представить более средств (л. 5) к будущему благоустройству вознамерился пожертвовать вновь подлежащие в оное на комплектное число богаделенных людей всякие домашние принадлежности и одеяния, для чего все потребное по примеру подобных заведений ж куплено – в устройство ж приведено быть имеет к июню месяцу сего года». Одновременно Титов сообщил о сем Ярославскому губернатору «с тем, дабы благоволили снабдить оную Градскую Думу к управлению оным заведением надлежащими правилами».

Получив уведомление Титова, что богадельня будет вполне оборудована к 1 июня, Ярославский губернатор Полторацкий 9 апреля (№ 1253) пишет в Думу, предлагая учинить следующее: 1. К 1 июня принять богаделенный дом по описи в непосредственное распоряжение. 2. Попечителем дома быть А.А. Титову и как основателю иметь за домом непосредственный надзор. 3. По изъявленному основателем желанию экономом дома избрать его племянника купецкого сына Николая Самсонова Наумова. 4. С согласия попечителя избрать эконому помощника. 5. В приеме в богадельню бедных и в отчетности по управлению оной руководствоваться положением, «принимая всегда в (л. 6) должное уважение представления попечителя, как основателя сего богоугодного заведения».

Однако 1 июня богадельня открыта не была, т. к. губернатор Полторацкий, находившийся в это время в отлучке из губернии, через вице-губернатора известил Думу, что открытие богадельни должно быть отложено до его возвращения. Дело с открытием богадельни и приемом ее от Титова затягивалось. Сам Титов решил напомнить, что пора принять от него богадельню, вполне готовую к открытию и снабженную всеми принадлежностями (объявление от 16 сентября 1838 г.). Вместе с напоминанием Титов препровождал в Думу план и фасад дому и план земли. Напоминание Титова возымело действие. Думой было отдано распоряжение о принятии от Титова экономом Наумовым при посредстве командированного Думой гласного Рахманова построек и инвентаря богаделенного дома по описи, причем инвентарь богадельни, изготовленный Титовым на свой счет, оценен в описи в 3178 руб. 68 коп. 19 сентября Думой, с согласия Титова, назначен был помощником эконома мещанин Алексей Михайлов Закедный. Дума снеслась также с губернатором о скорейшем открытии богадельни, и 21 сентября 1838 г. в присутствии гу-

бернатора (л. 7) Полторацкого богаделенный дом был открыт и «действие восприял».

Ко дню открытия богадельни была уже заселена людьми, выбранными попечителем Титовым в числе 7 мужчин и 14 женщин. По составу принятые в богадельню разделялись на 8 мещан, 3 солдаток и 10 казенных крестьян (Согласно п. 29 Положения для управления богаделенным домом в богадельню могут поступать бедные из всех сословий, кроме крестьян помещичьих). По возрасту принятые разделялись: 30 - 40 л. – 1; 40 - 50 л. – 3; 50 - 60 л. – 2; 60 - 70 л. – 9; 70 - 80 л. – 2; 80 - 85 л. – 4. (Согласно п.п. 32 и 33 Положения в богадельню принимались мужчины не менее 60, а женщины 50 лет, исключение делается для увечных, одержимых неизлечимыми болезнями). Вскоре (к 1 ноября) в богадельню поступило еще 4: 3 мужчины – отставной солдат и 2 казенных крестьянина и 1 женщина – солдатка, в возрасте от 64 до 78 лет.

Таким образом, комплект, положенный на первое время деятельности богадельни (25 человек) был заполнен. Для обслуживания богадельни были наняты надзиратель, сторож и кухарка.

25 ноября того же 1838 г. А.А. Титов подает в Думу новое объявление с просьбой разрешить принимать в богадельню сверх установленного комплекта в 25 человек, сообразно со средствами (л. 8) богадельни, так как «являются ко мне с просьбою еще престарелые и немощные желающие поступить в богадельню. Вопрос об увеличении комплекта богадельни восходит по инстанциям до министра Внутренних дел и получает положительное разрешение (отп. М.В.Д. от 7/II - 1839 № 91).

Вследствие этого разрешения количество призываемых в богадельню было увеличено, достигнув к концу 1839 г. 39 человек. За время с ноября 1838 г. по 1 января 1840 г. состав призываемых изменился следующим образом:

С 1 декабря 1838г. состояло		С 1 декабря 1838 г. по 1 января 1840						К 1 марта 1840 г. состояло	
Муж	Жен	Прибыло Муж	Жен	Выбыло Муж	Жен	умерло Муж	Жен	Муж	Жен
10	15	14	13	3	4	4	2	17	22
25	27	7	6	39					

Прибывшие по сословному состоянию разделялись: на казенных крестьян – 13 мужчин и 4 женщины, солдаток – 6, мещан – 2 женщины, отставных военных – 1, и духовных – 1 женщина (вдова дьяконница). Преобладающее число прибывших было в возрасте от 50 до 70 лет.

Интересен бюджет богадельни в первые годы ее существования. Со времени открытия богадельни по 1 января 1839 г. получено из Думы % 1200 р. ассигнациями, израсходовано 667 р. 69 к. на 1 янв. 1839 г. оставалось 532 р. 31 к. В течение 1839 г. получено из Губ. Думы

Илл. 2. Здание Титовской богадельни. 1838. Фото 2008.

4074 р. 66 к. асс., от попечителя 21 р. 01 и вынута из кружки около богадельни (л. 10) 12 р. 39 к., всего 4108 р. 06 к. асс., с остатком 4640 р. 37 к. Израсходовано за год – 4532 р. 63 к. В остатке на январь 1840 г. – 107 р. 74 к. Если считать, что в среднем состав призревавшихся в богадельню в 1839 г. был равен 37 человекам, то содержание каждого обошлось в 122 – 123 руб. ассигнациями в год.

Здание богадельни, не представляет сколько-нибудь выдающихся художественных достижений, ценно как скромный беспритязательный памятник эпохи, когда русская провинция обстраивалась с огромным чувством вкуса и хорошим мастерством, приблизиться к которым не дано было в последующую эпоху упадка. (илл. 2) Не выходя выше, здание богадельни не опускается и ниже того, во всяком случае, высокого уровня строительства, где хорошее мастерство сочеталось с тонким пониманием архитектурных форм, с чувством меры и хорошим вкусом.

Здание богадельни двухэтажное с слегка приподнятой на высоту фриза средней частью, которая обработана слегка выступающими пилястрами в высоту обоих этажей; пилястры заканчиваются ионическими капителями. Выше неширокий гладкий фриз и карниз. Среднюю часть здания завершает невысокий ступенчатый аттик с длинной узкой полосой впадины для вывески. Вывеска, современная устройству богадельни с красивой надписью «Титовская богадельня» золотом по синему, к сожалению не сохранилась до настоящего времени, провисев на здании до 1918 г. Окна нижнего этажа средней части в форме небольших прямоугольников помещены в небольшие с арочным верхом углубления в сте-

не (как бы неглубоких нишах). Над окнами верхнего этажа помещены скромные <неразб.>, в виде чередующихся треугольных фронточков и прямых <неразб.> (л. 9 об.) окон, по пять в каждом этаже. Боковые части здания не имеют почти никакой обработки, плоскость стен пробита лишь окнами по два в каждом и каждая часть окна верхнего этажа совсем лишена каких-либо украшений. Над окнами нижнего этажа простые замки. Деление на этажи во всем здании резко подчеркнуто проходящими между ними карнизами, прерывающимися лишь на месте пилястр. С обеих сторон дома ворота, образованные каждые парой <неразб.> узких пилонов, из которых примыкающие к дому, прорезаны узким с арочным верхом пролетом, служащим калиткой, а другие имеют соответствующие пролетным очертаниям ниши. Деревянные полотна ворот между пилонами новые.

Л. 9. [утрата текста] губернский архитектор. Возможно в данном случае предполагался такой порядок выработки архитектурной формы для зданий, строившихся для общественных нужд, хотя не исключена конечно возможность обращения строителя богадельни к какому-либо архитектору и помимо губернского. Если имело место первое предположение, то автором здания Титовской богадельни следует считать губернского архитектора Панькова, оставившего в Ростове такой красивый и своеобразный памятник своего творчества, как решетка городского сада, построенная Паньковым в 1836 г. в таких же хороших традициях классицизма рядом с начавшейся строиться в 1836 же г. богадельней.

РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 9. Иванов П.С.

**

1 Титов Андрей Абрамович. (1771 – 1842) – ростовский купец 2-й гильдии. Потомственный Почетный гражданин. Происходит из крестьян с. Поречья. В 1808 г. получил отпускную от графа В.Г. Орлова. «1808 марта в 20 день, генерал-поручик и действительный камер-Гер граф Владимир Григорьевич сын Орлов отпустил я вечно на волю крепостного своего взятого из крестьян во дворе человека Андрея Абрамова сына Титова с женою его Настасьею Тимофеевой и дочерью его девкою Катериною и рожденною после пятой ревизии Александрю да мать его вдову Катерину Ивановну, доставшихся мне в 1784 марта в первый надесять день по купчей от братьев мои родные графов Алексея Ивана и Феодора Григорьевичей Орлова написанные по нынешней пятой ревизии за мной в Ярославской губ. в селе Поречье ... Титовым с сею отпускною жить где они пожелают и избрать род жизни на законном праве...» (РФ ГАЯО. Ф.204. Оп. 1. Д. 3503). В 1809 г. с матерью Авдотьею Ивановной, женой Настасьею Тимофеевой и дочерью Екатериной и Александрой был записан в ростовское купечество во 2-ю гильдию. Имел в Ростове свечной сальный завод и значительную торговлю салом, сахаром и прочими товарами оптом. Занимал в Ростове различные общественные должности: с 1818 – по 1821 – бургомистр. С 1827 по 1830 – Городской Голова. Был женат два раза. От первого брака с Анастасией Тимофеевой имел

сына Дмитрия, умершего в 1809 г. и дочерей Екатерину и Александру (в замужестве Мальгину). Вторым браком (с 1828 г.) был женат на дочери ростовского купца Ивана Петровича Латышева девице Евдокии. Жил в Ростове в собственном двухэтажном каменном с мезонином доме на Покровской улице. Прославился благотворительностью. Много жертвовал церквям и монастырям города, в особенности Ростовской Покровской церкви, прихожанном которой был. Его портрет был помещен в парадном зале Ростовской Городской Думы среди портретов крупнейших благотворителей города.

2 Город испытывал необходимость в открытии в богадельни, средств на содержание призываемых, отпускаемых городской казной не хватало. РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1836. Л. 12. «Получено 13 февраля 1836 г. Ростовской Городской Думе. Из общественных зданий городу принадлежащих находя устройство богадельни несоответствующим средствам города и самому порядку с коим богадельщики должны быть содержаемы ибо из 69 чел. в богадельне числящихся помещается в одной 28 человек, а прочие получают на домах и предоставляемым им способом содержания могут заниматься бродяжничеством и нищенством – я предлагаю Градской Думе обратиться на сие заведение особенное внимание и, прислав лучшие средства к устройству богадельни, мне о том представить. Военный Губернатор Полторацкий № 831. 11 февраля 1836 г.»

3 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1870. Переписка с городовым магистратом. Л. 36. «По Указу Его Императорского Величества из общего Господина Полицимейстера от армии Подполковника и Кавалера Берсенева и Городового Магистрата присудствия дана сия данная Ростовскому 2-й гильдии купцу Андрею Абрамову Титову в то, что его превосходительство господин Ярославский Военный Губернатор Генерал-Лейтенант и разных орденов кавалер Константин Маркович Полторацкий в предложении своем от 9 а полученном сдесь 10 числа Декабря 1835 Года за № 6376 – Сему присудствию изъяснил: на основании Высочайшего Его Императорского Величества повеления по положению Комитета ГГ Министра последовавшего в 16 день Июля того 1835 Года – кои дозволено отвести потребное пространство земли на месте близ Девичьего монастыря и Городоваго сада на берегу озера Неро – для богадельни, Вами купцом Титовым устроенной, по поступившей от Вас к Его Превосходительству просьбе – предписывается оным Сему присудствию к отведенной уже для богадельни земле прорезать еще к озеру Неро 27 сажень в длину и по сторонам корпуса 20 сажень, в поперечнике для распространения строения самой богадельни и для огорода Богадельщинского. (л. 36 об.) На что дать Вам данную. Вследствие этого сие общее присудствие, о командировании к отводу означенной земли и для делания плана землемера, – сообщало к Г. Губернскому землемеру, о прибывшем сюда Любимском Уездным землемером Антиповым, в сие общее присудствие на предписываемую Его Превосходительством Господином Военным Губернатором Генерал Лейтенантом и разных орденов кавалером Константином Марковичем Полторацким – землею – для распространения строения устроенной Вами Богадельни и для огорода Богадельщинкам, – сочиненной оным Г. Землемером план добавлен. 16 числа сего июля, из коего видно, мера земли в длину 37 саж., по сторонам корпуса 20, а в зади от озера Неро поперек 10 саж. Июля 16 дня 1836 г.»

Городской сад

Установить точно время основания сада и инициаторов его устройства не удастся. Один из первых ростовских краеведов, местный

историк А.Я. Артынов, чьи огромные по объему и любопытные, наполненные баснословием и чисто литературного происхождения легендами истории сохранились в рукописях, пишет об основании сада в своем Ростовском Летописце под 1830 годом: «Недостаток удобства для обыденной жизни граждан гор. Ростова по предложению градского головы Петра Васильевича Хлебникова предположено устроить городской общественный сад между р. Пигоя и церковью архидьякона Стефана. В состав этого сада вошел дом и место бывшего государева гостя Киприана Щеткина. Кирпич этого исторического дома употреблен для поколей и колонн или столбов садовой решетки и на месте самого дома Щеткина построен в том саду вокзал»^а. Артынов, современник и, возможно, очевидец этого события в бедной событиями ростовской жизни 19 ст., очевидно, записал о нем в своем Летописце по памяти, спустя предположительное время после события. Сообщение это, в общем подтвержденное документами, будучи в значительной мере справедливым, как это увидим из дальнейшего, не вполне верно в частностях, прежде всего в отношении инициативы в этом деле П.В. Хлебникова, который к тому же в 1830 г. Городским Головой не был. Хлебников был одним из первых строителей сада, потому Артынов записывая по памяти, вполне естественно приписывает ему и инициативу устройства сада. В официальных документах впервые упоминается о саде под 13 мая 1830 г. В журнале Городской Думы под этим числом: «Слушали: Отношение ростовского полицмейстера от 12 мая за № 296. О уведомлении предполагает ли Дума привести в окончание начатую сатку березок около площади и вала. Приказали: Г. Полицимейстера уведомить, что кем, по какому случаю и из какого капитала делались посадки березок близ Девичьего монастыря с наружной стороны вала и около площади, о том по делам Думы видимости не имеется и, хотя, устройство сие Думою признается беззачинным, а от того и к поддержанию следующим, но как на предмет сей по табели городских расходов суммы не ассигновано, а потому и не в праве Дума расходовать городские доходы на предметы, не включенные в табели расходов»^б.

(Л. 1 об.) Таким образом, произошла довольно курьезная вещь. Кто-то начал садить березки на городской площади. Ни полицейские власти, ни городское самоуправление – две власти, ведавшие городом, не знали, почему и по какому случаю началось превращение площади в сад; первая предполагала что это делается Думой, а Дума как-будто совсем о том не зная, справившись в своих делах, не нашла никакой «видимости» кто, почему и на какие средства начал устраивать сад. Признав устройство сада беззачинным, Дума, одна-

^а Ростовский Летописец. Ч. III. С. 382. По рукоп. Ростовского Государственного музея.
^б Журналы, 1830 г., т. I, л. 471.

ко, отказалась «привести в окончание начатую сатку березок» за отсутствием соответствующих ассигнований. Однако, проявленная кем-то инициатива в устройстве сада, нашла поддержку среди гласных Думы. Через несколько месяцев, 24 сентября того же 1830 г., Градской Плава Михайло Иванович Морокуев, после поездки в Ярославль к губернатору по городским делам, при чем в докладе к Губернатору он, очевидно, сообщил и о городском саде, объявил в Думе присутствовавшим «словесное признание Его Превосходительства г. Ярославского Гражданского Губернатора и Кавалера Константина Марковича Полторацкого, об отпуске из экстраординарной суммы городских доходов 2-й гильдии купецкому брату Петру Васильевичу Хлебникову 500 р. на устройство Городского сада на площади против Стефановской церкви. Приказали: об оном для сведения повеленного Его Превосходительством исполнения записать в сей журнал, а о выдаче купецкому брату П. Хлебникову ... 500 руб. казначею сей суммы дать предписание, а начальнику губернии о сем распоряжении отрапортовать»^а. Постановление было исполнено, Хлебников получил 500 р. 10 ноября Дума заслушала предложение Губернатора (№ 8373) коим он «дает знать, что отпуск на устройство в городе, при озере Неро сада 500 р. он утверждает»^б.

Из приведенных записей в журнале Думы можно установить, что возник Городской сад самочинно, без участия хозяев города, по почину неизвестных, оставшихся не выявленными лиц или лица. К какому времени относится это возникновение сада и первые работы по разведению его, точно выяснить также невозможно: возможно, что они произведены весной 1830 г., еще возможно что они сделаны еще в 1829 г., так как запрос полицмейстера датирован 12 мая и вряд ли, если работы велись в 1830 г. полицмейстер стал запрашивать Думу, которая, по его предположению, начала посадку берез, об окончании работ по посадке, работ только что начатых.

Совершенно неясным остается и то, какую площадь занимали посадки и как по какому плану были рассажены деревья. (л. 2) Во всяком случае, какая-то основа сада уже была налицо в 1830 г., когда Дума, поддержав неизвестную инициативу по предложению губернской Администрации, очень внимательно относившейся в то время к вопросам внешнего благоустройства городов, отпустила деньги на устройство сада. Работы по устройству сада на отпущенные средства велись Хлебниковым около 2 лет. 14 июня 1832 г. Хлебников, в это время уже занимавший должность градского главы, представил в Думу уведомление о том, что им на произведенные работы по устройству городского сада израсходовано сверх отпущенных ему на сей предмет по воле господина начальника губернии 500 р. ассигнованиями, а моне-

^а Журналы, 1830 г., т. II, л. 399 об. – 400.

^б Журналы, ib, л. 888.

тою с лажем 540 р., еще из собственности его 363 р. 26 к. монетою с лажем. Эти перерасходованные деньги Хлебников и просил его выдать. Дума, заслушав этого же числа уведомление Хлебникова постановила «уведомление записав со счетом и расписками приложить к патенту, а следуемые г. градскому главе Хлебникову употребленные из его собственности... деньги монетою с лажем 363 р. 26 к. из назначенной по табели настоящего года на устройство городского сада суммы ... ему выдать»^а. К уведомлению Хлебников приложил счет на 903 р. 26 к., с расписками, из которых, мы узнаем, на что шли израсходованные деньги. Расходы по устройству сада были следующие: куплено 4200 березок частью по 10, частью по 11 к. на сумму 477 р., за вырытие ям и посадку березок, при чем указано что березок посажено 2593 шт., и за устройство вокруг сада канавы и вала (247 сажений) с укладкой дерном уплачено 380 р. 75 к., за 2000 кольев для подвязки деревьев уплачено 30 р., за лейку для поливки 5 р. 25 к. и поденщикам за разные работы уплачено 10 р. 26 к.

(Л. 2 об.) Мы не знаем, по какому плану производились посадки деревьев и какую площадь занимал весь разведенный сад. Устройство сада производилось на площади, заключенной между валом (с западной стороны), дорогой к Ярославской улице (с севера), частью Окружной улицы (с востока) и озером (с южной). Площадь эта была образована при проведении в жизнь подтвержденного Екатериной II плана Ростова, по которому кривые, без всякого порядка прорезанные городские улицы и беспорядочно разбросанные постройки, должны были уступить прямым, по ясной схеме спроектированным улицам и обширным площадям. Место, где должна была быть по плану площадь указанная выше, было довольно густо застроено домами и домиками посадских людей. Ко времени начала устройства сада, работы по приведению в жизнь нового плана, начатые в начале 19 ст. подходили к концу; все место, где по плану должна была располагаться площадь, было очищено от построек. Из старых, не по плану до объявления его возведенных построек, оставались на площади всего две: церковь Стефана, до сих пор сохранившаяся, и дом мещанина Щеткина, каменный с каменной палаткой и деревянным надворным строением. Дом Щеткина являлся одним из наиболее старинных домов в Ростове; когда он был построен неизвестно, но уже в середине 18 ст. мы находим сведения о нем в межевой книге Долбилова. В сер. 18 ст. это был единственный каменный дом в Ростове, исключая постройки Кремля. Дом Щеткина после смерти его владельца, очевидно не оставившего после себя наследников, в 1833 г. продавался с аукциона и был куплен Ростовской Городской Думой. Расположен он был приблизительно там, где теперь находится центральная площад-

^а Журналы, 1832 г., т. I, л. 475 об.

ка городского сада, ближе к Стефановской церкви. При устройстве сада, начавшего устраиваться с западной стороны площади, несколько отступя от ее края, дом Шеткина мешал распространению хода по площади. Сад должен был включать в себя участок, занятый домом с надворным строением. И дом, и надворные строения пришли в ветхость. Кроме того, дом стоял на неплановом месте. Все это вызвало распоряжение Ярославского губернатора о сломке Щеткинского дома, мешающего распространению сада, которое губернатор признавал необходимым и подтвердил письменным предписанием от 31-III – 34 г. (№ 1639), приказывая дом «сломать ныне же дабы с открытием весны можно было приступить к расчистке занимаемого им места под сад». Дума, «рассуждая о сломке означенного дома и о продаже из оного материалов, нашла, что имеющаяся при оном доме палатка в прочном виде по занимаемой ею месту, при распространении Городского Сада может быть обращена в беседку, а потому Дума полагала оставить ее. Прочее же ветхое деревянное строение, вокруг дома находящееся, не сламывая его продать на месте (л. 3) для сломки, затем из кирпича, имеющего наломаться из дома, употребить нужное количество на постройку вместо ветхой деревянной близ мытного двора находящейся будки, новой каменной и доставленный кирпич, равно железо и деревянные ветхие материалы, тож продать с публичных торгов»^а. Между прочим, в Щеткинском Доме временно помещалась Городская больница, так как назначенный для нее обществом Спитцевский дом был занят лазаретом квартировавшего в Ростове Казанского Егерского полка, поэтому Дума была озабочена приисканием помещения для больницы в частном, за отсутствием свободных общественных, доме. На производство сломки дома Думой два раза назначались торги (4 мая и 8 июня), однако желающих взять этот подряд не нашлось. Полторацкий в проезд свой через Ростов 16 июня снова словесно приказал, чтоб к сломке дома было приступлено немедленно. Были назначены на 23 июня третьи торги, но опять никого не явилось, и только 23 июня Дума сдала работу по сломке дома подрядчику Ежову, который обязался сломать дом до бута, сложив тес и железные материалы в груды, кирпич целый и половинки – в клетку, ближе к Девичьему монастырю, а щебень и мелкий сломанный кирпич в груды около дома; за разборку дома Ежов получил по 3 р. 85 к. монетой с лажем, с каждой тысячи кирпича целого и половинки имеющего наломаться при разборке дома^б. К концу августа дом был разобран, обязательства, взятые на себя Ежовым были выполнены. Из дома было наломано 63000 кирпича цельных и половинок. Дума отработала о сломке дома губернатору. Вскоре же Дума получила

^а Производство № 1 1834 г. О разобрании купленного Думой с аукционного торго после умершего мещанина каменного дома. Л. 1.

^б Подписи Ежова иб, л. 24.

предписание губернатора от 18 сентября 1834, за № 5242 немедленно передать наломанный кирпич в ведение комитета, устроенного для построения Мытного двора, для продолжающихся работ по постройке двора. При передаче кирпича в распоряжение Комитета возникло недоразумение, явившееся следствием той странной системы, которая была принята Думой при расплате с подрядчиком за работу дома, по которой подрядчик получал определенные суммы с каждой тысячи целого и половинчатого кирпича, сложенного в клетку. При видимом недостаточном надзоре со стороны Думы, подрядчик, чтобы увеличить количество годного кирпича и тем получить большую сумму в числе целых кирпичей и большого количества половинок, прибавил в клетку и более мелкие части кирпича и щебень. (Л. 3 об.) Члены комитета отказались принять кирпич без счета и освидетельствования его годности, причем при просмотре брался комитетом лишь годный цельный кирпич и часть половинок. Это недоразумение с кирпичом вызвало непродолжительную переписку. Комитет принял годного для стройки кирпича 36250 штук. Кроме этого количества осталось в распоряжении Думы и строительного комитета половинок, положенных 2 половины за 1 кирпич 12600 шт. 1000 штук «неразбор.» кирпича, всего оказалось 50000 шт. вместо сосчитанных тотчас после сломки дома 63000 шт., недостающих до этого количества кирпич «неразбор.». Как выпутывались должностные лица Думы из этого неприятного случая, остается неизвестным. К сожалению, не осталось никаких описей сломанного дома, хотя бы самых общих, не говоря уже о чертежах. Из дела о сломке Щеткинского дома единственное, что можем мы узнать о внешнем виде дома – это то, что он был двухэтажным. Нельзя не пожалеть, что этот старейший Ростовский каменный частный дом не сохранился до настоящего времени, не оставил и следов о себе в рисунках, чертежах или описаниях.

Городской сад пользовался особым попечением высшей губернской администрации, которая подталкивала Думу в работе по устройству сада, разрабатывала план для сада, заботилась об устройстве решетки около сада по составленному в губернии фасадам и проч. В мае 1836 г. губернатор Полторацкий, препровождая план, предписывал Думе городской сад в «нынешнем лете отделять на счет ассигнованной по табели суммы»^а. На это предписание Дума отвечала рапортом от 8 июня, в котором писала, что «Члены Думы, обзрев в натуре место и сообразя обстоятельства, нашли, что на месте назначенном по плану для распространения городского сада, находится невыбранный бут, оставшиеся от сломанного ... Щеткинского дома и каменная палатка, предполагающиеся прежде в обращение в беседку, но ныне соответственно с

^а Производство о устройстве в г. Ростове сада. 1835 г. № 45, л. 3.

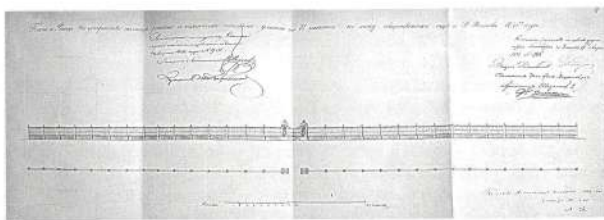
планом подлежащая к сломке. Сверх того, все место для распространения сада назначенное неуровнено и по направлению к озеру имеет большую покатость, почему на приведение всего в надлежащий порядок требуется немалозначительная сумма». Между тем, из назначенных по табели 500 р., 300 р. уже были израсходованы на устройство там разводимого сада, оставленные 200 р. потребуются на поддержание сада, потому Дума находилась в (л. 4) затруднительном положении, относительно средств, необходимых для приведения назначенного им распространения сада, места в надлежащий вид^a. Так как ответ Дума не получила, 8 октября 1835 г. она постановила, неизрасходованные еще 200 р. употребить на устройство сада по новому плану, «приступив после к разбитию назначенной по плану к новому устройству части сада к озеру», поручив работу городскому архитектору Пракину, которому и производить план. Вряд ли эти работы, начавшиеся довольно поздней осенью и при очень ограниченных средствах, были продолжительны и значительны. На следующий 1836 г. по табели было отпущено на устройство сада уже 1000 р. 18 апреля Дума, ввиду наступления удобного для работ времени, постановила: «устройство городского сада по вновь утвержденному плану производить экономическим образом, что и поручить гласному Михаилу Гр. Ершову... с тем, чтобы он приступил к сему немедленно и для работ ... нанял помесячно землекопов из уроженцев Вологодской губернии 4 человека, которые сведущие в работах сего рода, а с ними до 10 человек из недостающих сдешних мещан»^b. Рабочие (от подрядчика) были наняты с платой по 22 р. 75 к. монетой с лажем каждому человеку в месяц (л. 9). Работа велась все лето, однако, назначенных 1000 р. не хватило и 24 августа Дума обратилась с рапортом губернатору с просьбой разрешить расходовать из экстраординарных городских доходов сверх 1000 р. еще 500 р., указывая в рапорте, что израсходовано свыше 900 р. но планирование еще не окончено, на что, а также и на покупку березок и рассадку их осенью, и нужны деньги^c.

В том же 1836 г. городской сад получает каменную, с железной решеткой ограду, существующую до настоящего времени. Проект ограды был исполнен Ярославским архитектором Паньковым в декабре 1835 г., очевидно, по поручению губернатора, так как инициативы в сооружении ограды со стороны Думы не видно. Составленный (л. 4 об.) Паньковым проект и смета представлены были губернатором Министру Внутренних Дел, а от него переданы были на рассмотрение сперва в комиссию проектов и смет, где они были рас-

^a лб, л. 7.

^b лб, л. 8.

^c л. 10.

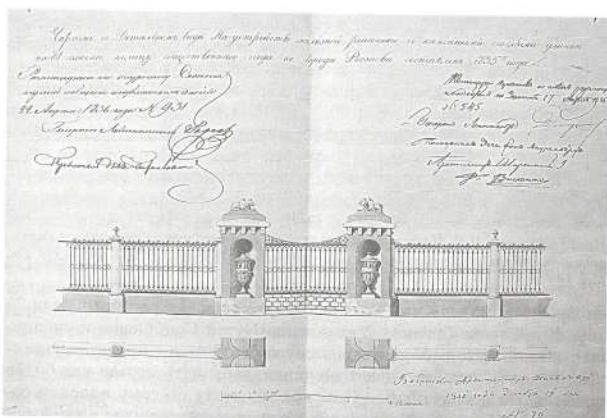

Илл. 1. Паньков П.Я. План и фасад на устройство железной решетки с каменными столбами общественного сада в г. Ростове. 1835. РФ ГАЯО, ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 13.

смотрены 17 апреля и не одобрены; затем проект рассматривали 22 апреля в Совете Главного Управления Путей Сообщения и публичных зданий, который «признал за нужное сделать в проекте некоторые, впрочем мало важные изменения, дабы дать ограде вид более правильный и приятный... Поверив же смету по сему проекту, составленную Главным Управлением означены некоторые в одной поправке, согласно которых вместо исчисленных по смете 14524 р. 77 к. предположено, что достаточно будет 13756 р. 64 1/2 к. За сим г. Министр Внутренних дел входил с представлением в комитет гг. Министров, по положению коего Государь Император Высочайше повелеть соизволил: разрешить устройство железной решетки вокруг разведенного в г. Ростове близ озера Неро общественного сада, по составленному Главным Управлением Путей Сообщений публичных зданий чертежу, с употреблением на сие из остаточного капитала городских доходов 13756 р. 64 1/2 к.»

«О состоявшемся утверждении постройки решетки для исполнения сообщено Губернской Думе. Отношением № 4032 от 6 июня^a имеется два чертежа: общий план и фасад и деталь с воротами, подписанных губернским архитектором Паньковым и датированных «1835 года декабря 19 дня № 74». (Илл. 1, 2) Это первоначальный проект ограды. Чертежи эти посылались на рассмотрение указанных выше учреждений и имеются пометки о рассмотрении их в этом учреждении (комиссии по рассмотрению проектов в Совете путей сообщений и публичных зданий). Согласно проекту Панькова решетка «по лицу общественного сада в г. Ростове» представляет длину на протяжении 81 сажени ограду, состоящую из гладкого цоколя высотой в 1,5 арш. и шириной в 1 арш., с скошенным на два ската верхом, прерываемый через каждые 7 (приблизительно) аршин, небольшими выступами на обеих стенках, служащих пьедес-

^a Производство об устройстве железной решетки вокруг разведенного в г. Ростове общественного сада 1836 г. № 29, л. 1-2.

Илл. 2. Паньков П.Я. Чертеж в детальном виде на устройство железной решетки с каменными столбами общественного сада в г. Ростове. 1835. РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 13.

талами для колонн; колонны упрощенного тосканского ордера на положенных на пьедесталах базах из вала и полочки, под капителями из полочки, четвертного вала и квадратной в плане полки-плитки; колонны заканчивались поставленными на капители вазами из листового железа; между колонн помещается решетка железная из вертикальных стержней, концы которых соединяются полукругами через один стержень, образуя, таким образом, переплет из полукругов; посредине решеток между стержней чередуются вставлены круги и поставлены на угол квадраты, нижний и верхний край (л. 5) ограничены горизонтальными стержнями. В центре ограды прерывают ворота, составляя с каждой стороны по пятнадцать колонн и столько же звеньев решетки. Ворота образуют два пилона, прямоугольных в плане с гладкими цоколями. По лицевому фасаду, пилоны имеют по большой нише, в которой помещается лепная из алебаstra высокая (больше аршина) ваза. Карниз пилон поддерживается кронштейнами; пилоны заканчиваются аттиком, имеющим на себе лепные из алебаstra фигуры лежащих львов; львы лежат по главной оси ограды и обращены головами друг к другу. Полотна ворот железные, с тем же узором, что и на решетке между колонн.

Не видно, чтобы проект, подвергнутый в Совете Главного Управления путей сообщения и публичных зданий некоторым

изменениям, был пересоставлен. Очевидно, изменения были настолько незначительны, что для выполнения измененного проекта не было нужно делать новый чертеж, и вполне можно было обойтись первоначальным проектом и выполнить постройку по этому проекту, сделав в процессе работы нужные изменения¹. Из рассмотренной сметы, приложенной к проекту и сделанной Паньковым одновременно с проектом, можно увидеть, какими изменениям подвергся проект в совете Главного Управления. Эти изменения сводились лишь к уничтожению некоторых деталей первоначального проекта. Так в смете вычеркнуты расходы на изготовление ваз для колонн и на отливку и постановку 2-х ваз в нишах пилонов и 2-х львов на аттиках; кроме того, вазы на колоннах заменены шарами из железа. Больше никаких изменений в смете не сделано. Указанные же изменения или, главным образом, сокращения в работах, понизили сумму, требуемую для работ, на 772 р. 12 1/2 к.

(Л. 5 об.) Рассмотрим теперь ход работ по устройству железной решетки, каким он рисуется в производстве Думы № 29 1836 г. Получив упомянутое выше отношение губернатора о разрешении постройки ограды со сметами и проектами, Дума назначила на 23 июля на устройство решетки торги с переторжкою 27 июля; но так как ни на торги, ни на переторжку никто не явился, были назначены на 1 августа с переторжкою 14 августа вторые торги, на которые явилось трое желающих принять на себя эту работу, причем, поименованную сумму за всю постройку с собственными материалами и рабочими, на переторжке назначил купецкий брат Василий Голицын – 11400 руб. ассигнациями. В кондициях, оставленных в Думе на устройство решетки, имелась роспись указаний относительно работ:

1. Для фундамента рыть ров на вымет земли глубиною в два, шириною в полтора аршина и длиною на восток, одну сажень.
2. В вырытом рву из готового булыжного камня битить фундамент в несколько рядов крупным камнем с расщепкою и угловатой рамбовкою и засыпкою землей, а верхний ряд залить известковым прыском.
3. Цоколь класть из кирпича в длину на 79 погонных сажень вышиную в 1/4 аршина, а шириною в 2 кирпича, главные и воротные столбы ворот делать из кирпича, производя кладку согласно фасада, по известки с заливкою каждого ряда известковым прыском.
4. Столбы таким же порядком делать из колонного кирпича.
5. Вытесать из белого камня капители, карнизы и кронштейны и положить, согласно фасада по известковой подливке.
6. Цоколь, ворота, столбы и колонны заштукатурить.

7. Ковку решеток производить из резного железа, каждое звено должно весить не менее 15 пудов. По изготовлении установить решетки в надлежащих местах.
8. На колоннах из листового железа сделать 31 шар.
9. Решетки и шары окрасить за 2 раза, первые голландской сажей, а вторые свинцовыми белилами.
10. Штукатурку выбелить.
11. Работу производить под наблюдением Думы и окончить к 1 ноября 1836 г.

Заслушав результаты торгов, Дума, определив, что назначенная Голицыным за постройку решетки сумма в 11400 руб. «противу (л. 6) им исчисленной по смете суммы уменьшительнее 2356 рублями 64 $\frac{1}{3}$ коп.» полагала сдать работы Голицыну, представив решение на утверждение губернатора. Последний, постановлением суммы утвердил, и работа была сдана Голицыну за 11400 р. который и приступил немедленно к работе². К 22 сентября кладка цоколя под решетку была уже окончена, 22 сентября 1836 г. Дума имела рассуждение, что столбы строящейся решетки, согласно сметы, должны строиться без употребления в них железа, и от чего, судя по здешнему грунту земли, столбы сии могут скоро повредиться, почему Дума и постановила: «так как здесь грунт земли таков, что во время зимы от действия морозов деревянные столбы, врытые в землю, вырывает от оной, и каменные как, например, воротные известной толщины немалой кривит, почему Дума признает полезным, для прочности круглых столбов сделать и вставить в средину их при кладке железные штыри, весом по крайней мере в 1 пуд каждый, которые ... будут стоить ... до 180 руб.» К 19 октября каменная кладка ограды была окончена, причем за штыри, вставленные в столбы, было уплачено Голицыну 180 р. К 9 ноября работа по устройству решетки была закончена. Дума рапортовала об этом <неразб.> просила губернатора о высылке губернского архитектора для освидетельствования возведенной решетки.

(Л. 6 об.) С 1838 г. работы по устройству сада приостановились, и в течение шести лет для распространения и поддержания сада не было сделано ничего, что вызвало следующее отношение исполняющего должность Ярославского губернатора Бутурлина от 4 ноября 1844 г. за № 7609. «Из представленных мне Ростовским полицмейстером сведений, усматриваю, что в 1832 г. быв начато устройство общественного сада в г. Ростове, в течении шести лет не производится, и одна только часть сада окончена, между тем на продолжение работ ежегодно назначается по табели 100 р. серебром в год. Озабочиваясь приведением в благоустройство города Ростова, предписываю Городской Думе с начатием весны

1845 г. продолжить устройство сада по мере назначаемой для сего суммы»^а.

Дума постановила по предписанию учинить в свое время исполнение и доложить губернатору, что на устройство сада назначалось не 100 р., а реально 28 р. 60 к. Каковая сумма назначена и в составленном на 1845 г. расписании городских расходов. К 1846 г. сад еще не был окончен, половина его к озеру еще не была засажена. 2 октября 1846 г. Дума «имела рассуждение, что во исполнение предписания г. Министра Внутренних Дел должно развести вторую половину сада к озеру и Думою предписано, что городской архитектор Поле-таев составит план на эту часть сада, но при разведении оной необходимо нужен человек имеющий сведения в садоводстве, вследствие чего прислан Ростовский мещанин Александр Одинцов, знающий часть садоводческую и имеющий на это аттестат, который согласился быть сторожем Городского сада с нынешнего времени впредь до 1848 г., но чтобы ему был придан другой способный сторож, с которым он Одинцов обязуется производить в оном работы, а именно заниматься в надлежащее время рассадкою дерев и разведением других растений, содержать в исправности дорожки и цветники, наблюдать чистоту в саду и исполнять все, что простирается до должности садовника. Жалованья ему Одинцову получать с нынешнего времени до 1847 г. по 3р. 57 $\frac{1}{2}$ к., и в том году по 5 р. сер. в месяц ... до сверх того в будущем году получать ему Одинцову из сей Думы одновременно на покупку семян для разведения в саду цветов 6 р. сер.». Объяснив изложенное Дума постановила допустить.

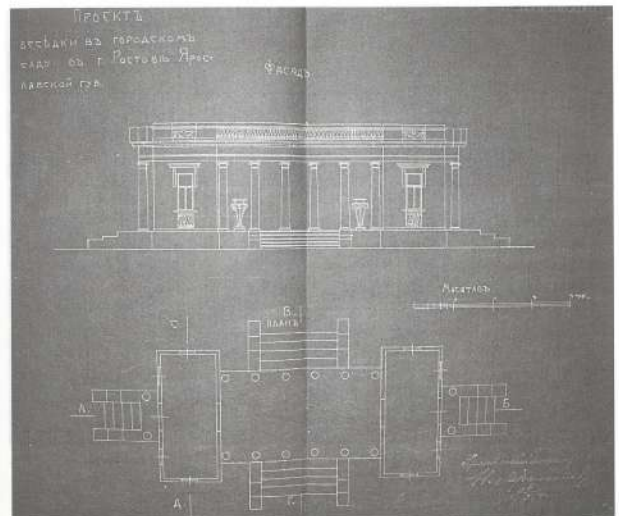
(Л. 7) В конце 1864 г. отставной полковник Карр обратился в Ярославское Губернское Правление с изложением, в котором изъяснял: «Желает он с будущего года взять в арендное содержание Городской сад в г. Ростове с вокзалом и другими постройками на такой срок, на какой члены Думы признают возможным и на тех условиях, в отношении содержания его в чистоте и опрятности, какие они предложат, за что и согласен платить ежегодно по 200 р., а почему просит об отдаче ему сада ... объявить». Губернское правление, сообщая Думе об этом, указом предписывало^б Думе доставить свое заключение по поводу желания Карра арендовать сад, ставя на вид Думе, «что с сада не только не получалось до сих пор никакого дохода в городскую казну, но еще тратилась безвозвратно городская сумма на очистку его». Сведения о желании «некоторых лиц» взять в аренду сад сделалось предметом суждения Ростовского Городского общества. В собрании в апреле 1865 г. В своем приговоре общество писало: «сад этот устроен не как оброчная статья, а собственно для

^а Производство об устройстве общественного сада 1844. № 87.

^б Ростовская Городская Дума. Дело № 4014 об отдаче помещику Карр в аренду Городского сада. Нач. 23-ХП-1864. кон. 12-V-1865. №5778 от 21-ХП-64.

удовольствия ростовских жителей, а потому общество просит Городскую Думу помянутый сад не отдавать в арендное содержание, а оставить по-прежнему доступным для каждого из жителей, тем более что в настоящее время из городских сумм не производится на содержание сада никакого расхода, и что отдача в аренду, по мнению общества, не может быть допущена в обременение граждан, особенно недостаточного состояния, да и нет примера, чтобы общественные увеселения отдавались с торгов». Дума после неоднократных напоминаний и даже замечаний Членам Думы и со стороны Губернского Правления, очевидно, [пропуск в тексте] Карром, только 12 мая 65 г. ответила по вопросу отдачи сада в аренду. В ответе Думы указывалось, что сад устроен в Ростове не как оброчная статья, а как место для прогулок жителей, до последнего времени сад не мог давать доходов, а еще требовал ежегодных расходов на поддержание, но в последнее время эти расходы отпали, так как ремонт сада и наем сторожа лежат на обязанности Ростовского клуба, которому дозволяется на летнее время перемещать свой буфет в находящийся в саду вокзал, который, так же как и имеющаяся в саду беседка, (л. 7 об.) был устроен в последнее недавнее время частными лицами для укрытия от дождя гуляющих, на собственный счет. От присутствия буфета никаких непристойных и неприятных для гуляющих действий не допускается, так как за благочинием постоянно имеют наблюдение, кроме помянутых чиновников, старшина и самые члены клуба», в случае отдачи сада в аренду неизбежно устроятся выставки для продажи питей «от этого будут происходить пьянства, неприличия, так что жители Ростова должны будут лишиться через то, почти единственного места для прогулок. Поэтому, по мнению Думы, сад ни в коем случае не может быть отдан в аренду, а вокзал с беседками, устроенными на частные средства, должны отдаваться по желанию строивших их «для укрытия от дождя для гуляющих и для отдохновения». В дополнение к этим своим соображениям Дума ссылалась на приговор городского общества о недопустимости отдачи сада в аренду.

(Л. 8) В 1914 г. Городской Думой была предпринята постройка в Городском саду павильона, вместо пришедшего в полную ветхость и назначаемого к сломке деревянного старого павильона (вокзала). Составление проекта нового павильона было поручено гражданскому инженеру Н. Лермонтову, который 8-II-1914 г. и представил в Городскую Управу проект и смету на постройку павильона. Проект составлен был в модном в это время классическом стиле. (Илл. 3, 4) Постройка должна быть произведена главным образом из дерева, лишь столбы фундамента, числом 22, должны быть сделаны из кирпича глубиною 0,8 саж. Стоимость всей постройки, согласно смете, определялась в 3910 р. 30 к. На 22 марта Управой были назначены

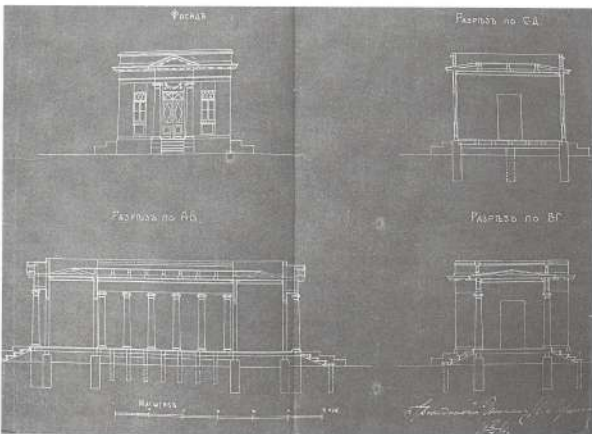

Илл. 3. Лермонтов Н. Проект беседки в городском саду. 1914. РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 13. л. 16.

торги на отдачу подряда на постройку павильона, каковые должны были быть окончены к 1 июня. Торги, начавшись с 4100 р. снизили эту сумму до 3404 р., за эту сумму остался подряд за П.И. Комитовым, которым своевременно и исправно постройка и была выполнена⁸.

В этом же 1914 г. Управой был предпринят ремонт ограды Городского сада, пришедшей в довольно плохое состояние. 21 апреля была составлена смета на ремонт, предусматривающий замену обветшавших кирпичей цоколя (весь верхний ряд) новым на цементном растворе, устройство цементно-бетонного отлива по цоколю. Перекладку трех особенно ветхих столбов от фундамента, выправку 14-и столбов, штукатурку цоколя и столбов и обелку их, окраску зеленой краской железной решетки ... и пополнение шаров на столбах и из «неразб.»... Работа по смете исчислялась в 981 р. Работа была отдана с торгов подрядчику Ф.А. Евдокимичеву за 600 р. (начались торги с 950 р.) Торги были утверждены Думой по докладу

⁸ Дело Ростовской Городской Управы «О постройке павильона в Городском саду» 1914 г. № 13.

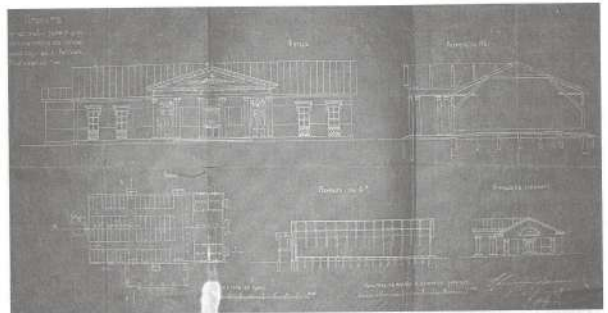

Илл. 4. Лермонтов Н. Проект беседки в городском саду. 1914. РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 13. л. 17

Управы, причем, между прочим, в докладах говорилось, что ремонт железной решетки, за неимением свободных средств, предполагалось произвести в следующем строительном сезоне⁹.

26 марта 1914 г. Управа представила Думе доклад, «Содержатель кинематографа в Ростове датский подданный Ниссоль Петрович Бургхардт вошел в Городскую Управу с предложением о постройке за свой счет в Городском саду здания кинематографа». Управа признала желательным устройство летнего кинематографа вошла с Бургхардтом в переговоры и выработала след условия. 1. Городская Управа отводит в саду нужный участок земли. 2. Городская Управа через архитектора делает план и фасад кино, сдает постройку и следит за исполнением постройки. 3. Средства на постройку вносит Бургхардт в течении 3-х лет: 1914 – 2000 р., 1915 – 1500, 1916 – все остальные. 4. Выстроенное здание (п. 9) считать собственностью Городской Управы и сдать Бургхардту в расчете на 10 лет (судя по стоимости здания) с платою 100 р. в год, каковая погашается из суммы затраченной Бургхардтом на постройку. 5. За электроэнергию Бургхардт платит Управе особо. 6. Бургхардт в течении лета даст 3 бесплатных сеанса в саду на открытой площадке. 7. Освещение аллеи, ведущей к кинема-

⁹ Дело Ростовской Городской Управы о ремонте ограды Городского сада. № 9. 26 марта 1914.

Илл. 5. Лермонтов Н. Проект на постройку здания для электро-театра в городском саду. 1914. РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 13. л. 17

тографу относить на счет Городской Думы. 8. По истечению срока аренды здание поступает в полную собственность Городской Управы и <неразб.> Управа, внося этот вопрос на разрешение Думы, уточнила, что план выработан архитектором Лермонтовым и что здание предполагается поставить в конце правой аллеи.

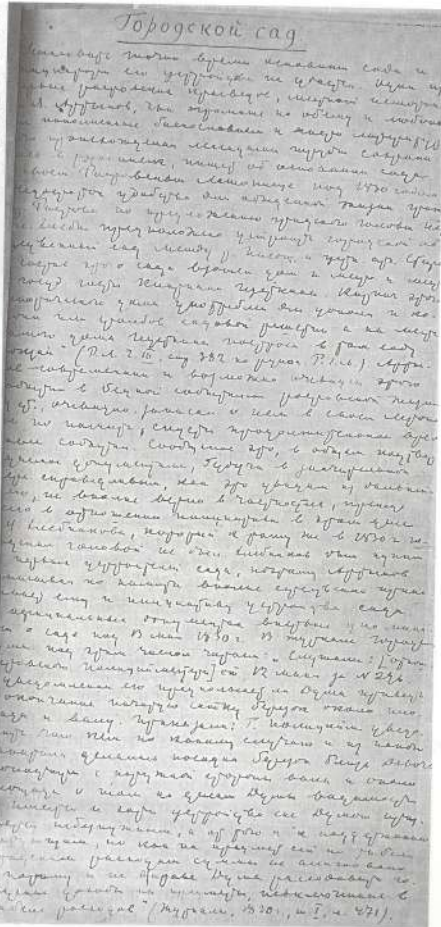
Доклад был утвержден Думой. 31 марта состоялись торги, и подряд по постройке был сдан давшему наименьшую сумму Н.И. Кудрявцеву за 5699 р. (торги начались с 7500 р.) с обязательством работу закончить к 1 июня. По смете работа исчислялась в 6434 р. 56 к. Проект и смета были составлены гражданским инженером Н.Ю. Лермонтовым и утверждены губернатором. (Илл. 5) Здание возводилось деревянное, на каменном фундаменте.

Управа, по получении сметы и проекта и сдачи работы по постройке здания, заключила с Бургхардтом подрядный договор, включив приведенные выше условия и указав точно сумму, которую Бургхардт обязан платить городу на постройку кино – 5699 р. и на архитектурский надзор 350 р. Эту сумму Бургхардт уплачивал в 3 раза: в 1914 г. – 2000 р., в 1915 г. – 2000 р., в 1916 г. – остальные 2049 р. Срок аренды был установлен в 10 лет: с 8 июля 1914 г. по 8 июля 1924 г. с зачетом в начат арендной платы израсходованной на постройку суммы. Работы по постройке были закончены к 12 июля и после осмотра комиссии, признавшей постройку произведенной по плану и годной к открытию в ней кинематографа, сдана арендатору. Тогда же были сделаны за счет арендатора ворота в деревянном заборе между оградой и воротами Титовской богадельни, для более удобного прохождения публики в кинематограф ранней весной и поздней осенью (согласно договора кинематограф в саду работал с 15 апреля по 1 октября).

Бунзорт

Бунзорт

Вскоре же после устройства кинематографа в Саду, арендатор Бургхардт осенью 1914 г. подал в Управу заявление с просьбой разрешить ему, ввиду необходимости, покинуть Ростов. Передать кинематограф крестьянину Тульской губ. Ивану Самсонову, желавшему принять кинематограф со всеми обязательствами, по договору, заключенному Бургхардтом с Управой. Передача была разрешена, и кинематограф отошел к Самсонову. Новый арендатор в сентябре 1914 г. просил Управу разрешить ему, ввиду реквизиции для военных нужд зимнего помещения кинематографа <неразб.> использовать летний кинематограф в течение зимы, утешив его ... (л. 9 об.) Таким образом, летний кинематограф перестал быть только летним, дей-

Илл. 6. П.С. Иванов. Городской сад. РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

ствуя с этого времени круглый год. До реквизиции кинематографа при советской власти.

РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 13. Иванов П.С.

- **
- 1 Чертеж сохранился: РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1870. Л. 55. План и фасад на устройство вновь железной решетки с каменным столбом ... по лицевой стороне общественного сада в городе Ростове. Государь император разсматривать изволил в Петергофе 12-го Июня 1836 г.
 - 2 РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1870. Л. 53. 1836 года Августа 21 дня Ростовский третей гильдии купецкий брат Василий Кузьмин Голицын, по доверенности, данной мне от брата моего Ростовского 3-й гильдии купца Федора Козьмина Голицына заключил с Ростовскою Градскою Думою сей контракт, в том, что взял я Голицын с публичных торгов в одной Думе бывших с утверждение его превосходительства Господина Ярославского Военного губернатора Генерал Лейтенанта и кавалера Константина Марковича Полторацкого устройство новой железной решетки с каменными столбами длину на осмидесяти одной сажени по лицевой стороне общественного сада в городе Ростове изо всех вообще собственных моих Голицына матерьялов и с рабочими людьми на мой же щет нанимать должествующею суммою по ассигн. 11 тыс. 400 руб. на следующем положении: 1. Для фундамента по указанию рыть ров на вымет земли, глубиною в два, шириною 1,5 арш., а длину на 81 саж. 2. В вырытом рву бутить фундамент из булыжного камня следующим образом: первый ряд крупным камнем который тщательно укладывать с расцебенкою мелким булыжником и засыпкою землею равномерно и средние ряды делать таким же образом, а верхний ряд по утрамбовке щебенку залить известковым прыском, приготовленным надлежащим образом из гашеной извести с речным песком. 3. Цоколь под решетку класть из кирпича в длину на 79 погонных сажень а вышиною в 1 арш. с четвертью арш. в два кирпича равномерно и воротные столбы тоже делать из кирпича и кладку производить по извести согласно плану и фасаду с протескою кирпича и заливкою каждого ряда известковым прыском. В цоколь и воротные столбы кирпича употребить новой или старый, буде Градская Дума дозволит, но цельный и такой, какой из самых старинных строений, а не из таковых, которые в недавнем времени деланы. 4. Столбы в ограде делать круглые из нового цельного колонного кирпича согласно плану и фасаду: кладку производить по извести и каждый ряд заливать известковым прыском. 5. Для круглых столбов вытесать из плит белого (квадратного в аршин) камня по фасаду и данным шаблонам капители 31 шт. в коих по смете исчислено 194 квадрат. Фута, сии капители класть вверх из плит белого ж (квадратного в аршин) камня, как значится по фасаду и шаблонам карнизы и кронштейны, в коих по смете исчислено 100 кв. футов и сии карнизы и кронштейны класть по известковой подливке на места (л. 53 об.) кои значится по фасаду перешливать ... кронштейнов на четыре, а для карнизов на две части. 7. Цоколь, воротные столбы и таковые ж в ограде круглые оштукатурить из твореной с песком извести по правилам и маякам. Ковку решетки между столбов в ограду и воротные полотна с петлями и крюками производить по фасаду из резного железа лучшей доброты тщательной отделкой, в каждом звене решетки (коих должно быть 30, а с воротными полотнами 31) сделанной надлежащим образом должно быть весу 15 пуд, а всего вообще в решетке и воротных полотнах чистого железу без угару 465 пуд. Решетки и воротные полотна по сделании их поставить в надлежащие места как следует. У обоих воротных полотен снизу при створ-

ре приделать чугунные ворота. На круглые столбы сделать по фасаду 31 шар из листового 2-х арш. железа, которое поставить на место и прикрепить проволокой. 10. Решетку с воротными полотнами и шары на круглых столбах окрасить голландскою сажею, а шары свинцовыми белилами на конопляном искусно с принадлежностью сваренным маслом за два раза. — 11. Штукатурку по цоколю столбов воротных и круглых выбелить белою искусною разтворенною известью. 12. Всю вообще работу из собственных матерьялов и с своими рабочими произвестъ мне Голицыну лучшим образом сообразно смете и по Высочайше утвержденному плану и фасаду без малейшего от онаго отступления. 13. Работу производить под наблюдением Градской Думы и прочих лиц, кто от нее к сему назначен будет, которую начать ныне ж и всю постройку закончить к ноябрю месяцу 1836 года. 14. Землю, которая вырыется из рва под фундамент, равно мусор от постройки с места оной убрать Голицыну на свой счет. 15. Следующую по сему контракту сумму ассигнациями 11 тыс. руб., мне Голицыну получать из Градской Думы по усмотрению ее по мере успехов моих в работе. Но не более половинного количества из всей суммы, а остальную половину получить тогда, когда освидетельствует постройку Губернский архитектор и удостоверит Думу о прочности и правильности оной; если же по свидетельству Губернского архитектора найдено будет какое-либо отклонение в постройке от плана и фасада, сметы и сего контракта, то я Голицын обязуюсь исправить все на свой счет безоговорочно. 16. Если я Голицын, для забутовки фундамента пожелаю взять какое-либо количество дикого камня из оставшегося от постройки мытного двора, то сие мне дозволить, за который камень Градская Дума имеет право вычесть (л. 54) из следующего мне по сему контракту сумму по 60 руб. асс. за кубическую сажень, сколько мною оного будет принято при посредстве члена оной Думы, от комитета учрежденного при постройке Мытного двора и доставку того камня от онаго, к месту, на котором назначено устроить решетку я Голицын принимаю на собственный свой счет. 17. Я, Голицын, принимая означенную постройку, обязуюсь силу сего контракта выполнить в точности; в противном же случае при малейшем отступлении от выполнения вышеозначенных правил, Градская Дума имеет право или принять меры, какие она заблагорассудит к побуждению меня в исполнение принятой обязанности, или вовсе удалить во всякое время от производства работы и оную производить на мой счет нижеподписавшихся по мне поручителей, какою бы то ценою ни было... 18. Контракту сему хранится в Градской Думе и мне Голицыну получить с онаго засвидетельствованную копию. К сему контракту купецкий брат Василий Кузмин Голицын руку приложил. В исправном выполнении купецким братом Василием Голицыным по сему контракту обязанности за него ручаюсь отвечать ростовский купец Иван Петров сын Второв.

Градской Глава Петр Хлебников.

Описание ростовских бульваров.

Обилие зеленых насаждений – отличительная черта Ростова. И общественные насаждения: Городской сад и многочисленные, хотя и неширокие, и не обильно обсаженные, бульвары и частные насаждения: сады обильно вкраплены между строений и по дорогам города, придавая городу оживление, внося разнообразие в облик его. Ростовские бульвары занимают не последнее место в физиономии города. Располагаются они главным образом в той части города,

которая широкой полосой почти незастроенных площадей, когда-то нужной для шумной ростовской ярмарки, ведшей здесь главный свой торг, окружает Кремль, отделяя его от тихих ростовских улиц. Здесь, окаймляя эти площади, следуя направлению Окружной улицы, идет главный ростовский бульвар, образуя полукруг, обоими концами своими почти упирающийся в озеро. Пустынные летом, зеленой травой покрытые площади, прорезаемые дорогами, соединяющими Кремль с городскими улицами, также следуя направлению этих дорог, обрамляя их, идут узенькие бульвары. Таких бульваров 6: к Ярославской, к Лазаревской, к Благовещенской, к Введенской, к Заровской и к Покровской улицам. Еще 2 бульвара: к Никольской и к Всехсвятской улицам, прорезают площади, уже не окаймляя отсутствующих проезжих к этим улицам дорог, а служа единственным пешеходным путем от этих улиц к Кремлю. И только 2 бульвара расположены не на площадях, окружающих Кремль, а в других частях города, на окраинах: это бульвар, проходящий по конечной части Покровской улицы к церкви Николы что во Ржищах, и бульвар, соединяющий город с Спас-Графской слободой.

Бульвары – явление новое сравнительно в русском городе. Правда, еще при основании Петербурга по Невскому проспекту был разбит бульвар, в виде двух рядов деревьев. (л. 1 об.) Однако, новый прием украшения улиц города, равно как и новая европейская планировка, впервые примененная при создании Петербурга, долгое время не имела себе продолжения в русских городах. Впервые, и то через довольно значительный промежуток времени, к устройству бульваров было приступлено в другой русской столице – Москве. Здесь уже в царствование Екатерины, по ее приказанию по линии Белого города, разрушенного по причине ветхости в предшествующие царствования, на месте вала, окружающего стены, были насажены бульвары (теперешнее бульварное кольцо), в первую очередь разбит был Тверской бульвар⁹.

До провинциальных городов новое течение в области украшения городов дошло лишь в 1 половине 19 ст. и <неразб.> в связи с начавшейся в конце 18 ст. перепланировкой городов по подтвержденному императрицей Екатериной II ясным и радиальным, на европейский манер составленным планам, по которым перекраивались старые города, с их запутанными, узкими и кривыми улицами, с группами расставленных в живописном беспорядке построек. Понятно, что при старой планировке городов, при отсутствии прямых широких улиц, открывавших далекие перспективы, невозможно было совершенно разбивать бульвары. Новые планы городов с широкими улицами, с обширными площадями дали возможность примене-

⁹ По Москве. Изд. Сабашникова. М. 1917. Стр. 28, 247.

ния посадки деревьев прямыми аллеями. Начавшаяся в конце 18 ст. перестройка городов по новым планам шла постепенно, довольно медленно; окончательное приведение городов в соответствии с новыми планами относится, для значительного числа городов, к 2 четверти 19 ст.

(Л. 2) В соответствии с ходом работ по перепланировке городов шли и работы по разбивке в них бульваров, большей частью производившиеся уже после того как осуществлялась перепланировка. Таким образом, большинство городов провинции приобрело бульварные насаждения на протяжении 1 пол. 19 ст. Так было, например, в Ярославле, где начало устройства бульвара на берегу Волги было положено в начале 19 ст. при губернаторе князе М.Н. Голицыне (1805-1817). Окончательное устройство Волжского бульвара относится к 1820-м гг., после укрепления берегов Волги; к этому же времени относится и посадка прекрасного липового бульвара от Волги до здания театра. Любопытно, что этот бульвар, так же как и Московские бульвары, образовался на месте старинного вала, окружавшего земляной город, «для срытия коего городского общество собрало сумму по добровольной подписке»^а.

То же самое предполагалось сделать и в Ростове. В 1824 г. Градской Думой предпринимались меры к посадке на валах березок и, таким образом, устройству бульвара, места для прогулок горожан. К счастью, очевидно, не додумались до мысли срыть валы для устройства на месте их бульвара и не предпринимали сбора по добровольной подписке потребной для этого суммы, как это сделали в Ярославле. Березки решили посадить по верху вала, не срывая его. Нам неизвестна дальнейшая судьба этих попыток, неизвестно как долго просуществовали березки на валу, но любопытно отметить, что в 1830-х – 40-х гг. валы служили местом для прогулок горожан, наряду с Городским садом; возможно, что они являлись местом для прогулок и в более раннее время. Решение Думы обсадить валы березками, (л. 2 об.) было вызвано желанием устроить более удобные и приятные условия для прогулок горожан. Из архива Думы не видно, чтобы валы как место гулянья, вызывали в дальнейшем заботы Городского самоуправления. Очевидно, начатая в 1830 г. работа по устройству Городского сада, отвлекла заботы Думы от обеспечения валов. Городской сад был признан более удобным в этом отношении местом для отдыха и гулянья горожан, и на его устройство было обращено внимание Думы. Бульвар на валах явился излишней роскошью.

До 1861 г. мы не видим каких-либо других попыток к устройству бульваров в Ростове.

Ростов всегда славился непролазной грязью своих улиц. Расположенный на низкой, болотистой местности он весной и осенью уто-

^а К.Д. Гловщиков. История города Ярославля. 1889. Стр. 230, 323.

пал в совершенно невероятной грязи, создававшей чрезвычайно неприятные условия для пешеходного сообщения в городе. Эту особенность города заметил бывший в Ростове весной 1850 г. с ревизией Городского хозяйства И.С. Аксаков¹. «Необыкновенная грязь, – писал Аксаков в Думу, – покрывающая улицы и площади города Ростова – и скопление воды в канавах – заставляют предположить, что в городе не имеется водоточных труб, необходимых для осушения улиц. Без этого предварительного осушения самое мощение, по моему мнению, не может быть прочно»^а.

Ростовской грязи и вообще антисанитарному состоянию города позднее была посвящена брошюра Ан.А. Титова (Вымирающий город. Ярославль, 1877). Мнение Аксакова о непрочности мощения улиц при переполнении не имеющей стока воды канав было правильно. Городу чуть не (л. 3) ежегодно приходилось перемачивать улицы. Однако только через 11 лет после запроса Аксакова решено было приступить к осушке улиц города, для чего и было решено вырыть по линии Окружной улицы канаву со стоком на обоих концах в озеро. В связи с устройством канавы и возникла мысль об устройстве по Окружной улице бульвара. 26 марта 1861 г. «Городская Дума имела рассуждение, что в Росписи о городских расходах на настоящий 1861 год, утвержденной Губернским Правлением назначены, между прочими расходами, сумма 300 руб. на устройство канавы на городской площади по Окружной улице для осушки как сей последней, так и прочих прилегающих к ней улиц... Городская Дума имея ввиду, что устройство означенной канавы в г. Ростове по Окружной улице, для осушения улиц по болотному и топкому грунту необходимо, ибо устроенные на этих улицах мостовые в хорошем виде существовать могут не более одного года; с устройством же этой канавы образуется свободный сток воды в озеро с обеих сторон Кремля, но чтобы через устройство этой канавы Окружная площадь не теряла своего вида, а приобрела бы еще большую красоту и удобство по ней пешеходам, Дума полагала бы: вырытую через рытье канавы землю, около оной разравнивать и через это образовывать бульвар, обсаживая его топодем и другими деревьями. Подобное устройство канавы столько принесет пользы от осушки Окружной и прочих, прилегающих к ней улиц и будет препятствовать неправильному проезду через площадь и засорению самой канавы, столько и принесет красоты городу, в особенности Окружной площади»^б.

^а Архив Ростовской Городской Думы. № 27. 1849 – 51 г. О командировке в г. Ростов чиновника Министерства. Внутренних Дел Аксакова. Отношение Аксакова № 788 от 7 апр. 1850 г.

^б Архив Ростовской Городской Думы. Дело по распоряжению Городской Думы об устройстве по Окружной улице канавы и бульвара. № 19. Началось 27 марта 1861 г. кончилось 19 июня 1861 г. Л. 1.

(Л. 3 об.) Как видим из этого постановления, Дума при решении устроить бульвар руководствовалась как соображением пользы (удобство для пешеходов, уничтожение неправильных переездов через площадь и через то засорение канавы) так и эстетическим соображениям (украшение площади). Постановление Думы после справки о средствах, на которые Дума намерена произвести работу, было утверждено губернским правлением, причем расход был исчислен до 350 р. из экстраординарных сумм (указ № 1990 от 24 мая). (л. 4). На устройство канавы были объявлены торги с переторжкой, на которых наименьшую цену по 3 р. 50 к. сер. за погонную сажень канавы и бульвара вместе объявили ростовский 3-й гильдии купец Василий Андреев Копоркин; признавая эту цену для города весьма выгодною, Дума подряд за кушом Копоркиным 19 июня утвердила, назначив для наблюдения за производством работ гласного Думы Николая Федоровича Земского. В кондициях, составленных в Думе перед торгами, стояли между прочим следующие условия: «1. Канавы должны быть вырыты шириною в три с половиной аршина, глубиною от двух с половиной, до трех аршин сообразуясь с местностью, бульвар же в семь с половиной аршин, и уtramбован щебнем и песком на два вершка. Бока же канавы и бульвара должны быть обшиты дерном. 2. Подрядчик обязан произвести устройство канавы и бульвара из собственных материалов и с соблюдением всей вышеозначенной меры. Устройство же начать от дома купца Алексея Григорьева Щапова по Окружной улице (угол Окружной и Покровки по правой стороне если идти от Кремля) до места по указанию члена Думы, прикомандированного для наблюдения за работой. Через дорогу от дома купца А.Г. Щапова к дому (л. 4) купца Петра Щапова (на противоположной стороне Покровской к озеру) провести в проточном виде канаву деревянными срубам, от дома же купца П.Щапова канаву вести открытую к самому озеру, так, чтобы был свободный сток воды».

(л. 6) Работы по устройству бульвара и канавы начались в конце июня и продолжались до конца сентября; за это время (к 27 сентября) удалось устроить бульвар и канаву только до дома купца Латышева (на углу Ильинки и Окружной) до окончания 1-го квартала к озеру на протяжении 140 сажени и одну канаву от окончания 1 квартала до озера на протяжении 23 сажени, за что купцу Капоркину было выдано 501 р. 50 к. (постановление Думы от 27 сент. – л. 14). От ассигнованной на устройство бульвара и канавы 600 р. оставалась неизрасходованной сумма в 98 р. 50 к., которую Дума решила «употребить на сделание возле канавы, для безопасности, земляного валика» (пост. Думы от 23 окт., – л. 16). Какими деревьями был обсажен устроенный бульвар неизвестно, но, очевидно, липками. В следующем 1862 г. должны были продолжаться работы по устройству бульвара, на что было ас-

сигновано 800 руб. Очевидно, цена в 3 р. 50 к. за сажень, за которую работал в 1861 г. Капоркин была невыгодна для подрядчиков, т. к. в торгах на работу 1862 г. наименьшей суммой оказались 5 руб. за погонную сажень, но и эта сумма показалась назначившим ее подрядчику Шавалову низкой, и он раздумал взять подряд, отказавшись после торгов подписать с Думой контракт на подряд. Очевидно, не найдя других подходящих подрядчиков Дума отказалась от производства работ по бульвару в этом году, оставив их до будущего года. По росписи 1863 г. было снова ассигновано 800 р. Кроме того, оставались в числе невыполненных расходов 800 р., ассигнованных росписью 1862 г. и неизрасходованные; таким образом, к весне 1863 г. в распоряжении Думы на устройство бульвара оказалось 1600 р., позволивших сделать более крупные работы чем в 1861 г.

(Л. 4 об.) 18 апреля 1863 г. Дума имела рассуждение относительно дальнейших работ по устройству бульвара и постановила: «как удобное для работ время уже наступило, почему следует распорядиться о продолжении устройства канавы и бульвара, назначив торги на работы. В составленных к торгам кондициях повторялись те же условия, что и в кондициях к торгам 1861 г. с добавлением лишь того, что бульвар должен быть обсажен молодыми свежими липками по обе стороны на расстоянии один от другой одной сажени, почему можно предположить, что и устроенный в 1861 г. бульвар был обсажен липками. Кроме того, указывалось, что со стороны площади должен быть сделан земляной валик. Подрядчик должен был начать работы с того самого места, на котором кончены прежние работы, т. е. с угла Ильинки, из всех своих матерьялов, делая через дороги закрытые канавы. На торгах низшую сумму дал крестьянин Иван Сухов по 5 р. 70 к. за погонную сажень, однако Дума признала цену эту слишком высокой и сдачу подряда Сухову не утвердила. Сухов, не желая отказываться от подряда, подал в Думу заявление о готовности принять подряд с оплатой по 5 р. за сажень. Эту цену Дума признала для городской казны выгодной и постановила работу за Суховым утвердить, поручив наблюдение за ней гласному Киселеву (утверждено указом Губернского правления от 1 октября 63 г. № 4933). В процессе работ устройство валика, видимо, было признано излишним и опущено, почему и цена на работу были снижена до 4 р. 50 к. за сажень. Рапортом, полученным в Думе 26-Х- 63 г., гласный Киселев доносил, что работа Суховым производится в исправности и окончательно устроено 307 сажень бульвара без валика, а также 3 закрытые канавы между бульварами при въезде в Ивановскую и Угличскую (Заровскую) и Благовещенскую улицы на протяжении 38,5 саженей».

(Л. 5) Проезда из Кремля в Введенскую улицу существующего в настоящее время, не было; бульвар шел сплошь от Заровской до

Благовещенской улиц. За работу Сухову было заплачено 1554 р. 75 к.; остальные деньги из ассигнованных 1600 р. ушли на исправление канавы, проложенной в 1861 г. Таким образом, к концу 1863 г. было готово немного более половины всего бульвара, доведенного до Благовещенской улицы. Работа была освидетельствована и принята Думой в полном составе.

В следующем 1864 г. на устройство бульвара вновь ассигнуется 800 р. По обычаю весной назначаются торги на работу, однако, желающих взять подряд не нашлось. Дума постановила работы произвести хозяйственным распоряжением, получив производство работ гласному Мельникову с тем, чтобы не было израсходовано более 4 р. 50 к. за сажень. В этот сезон было устроено канавы и бульвара еще 181 сажень по 4 р. 30 к. за сажень и одной канавы 87 сажень по 25 к.

В 1865 г. должны были закончиться работы по устройству бульвара, оставалось до Ярославской улицы, где предполагено кончить бульвар, 207 сажень. На назначенные торги снова желающих не явилось, и снова работа продолжалась хозяйственным распоряжением под наблюдением гласного Ксенова и Мельникова. Однако, до Ярославской улицы бульвар не довели, сделав вместо 207 сажень – 178, остановившись приблизительно на середине Окружной ул. между Лазоревской и Ярославской ул. уничтожен был подъезд со стороны Окружной улицы к Мытному двору, занимавшийся в то время во время ярмарок целиком торговыми и складскими помещениями, уничтожение такого подъезда со стороны Окружной улицы создавало бы неудобство для перевоза товаров в склады Мытного двора; благодаря (л. 5 об.) этому и оставался бульвар долгое время не доведенным до Ярославской ул. В 1865 г. уплачено за устройство 178 сажень канавы и бульвара по 4 р. 20 к. за сажень 747 р. 60 к., остальное из ассигнованных 800 р. уплачено за исправление старой канавы для стока воды.

В 1866 г. на устройство бульвара ассигнуется уже только 300 р., которые и израсходовали на проведение между устроенным бульваром при проездах в улицы каменных мостовых.

Таким образом, в 1866 г. заканчиваются начатые в 1861 г. работы по устройству Окружного бульвара и сопутствующей ему канавы. Бульвар протяжением в 806 погонных сажень стоил городу (вместе с канавой) 4100 р.

В 1867-70 гг. на содержание бульвара (поддержание его в порядке) Думой ассигнуется по 75 руб. в год, каковые суммы и расходуются. В январе 1869 г. Думой для бульвара решено взять специального сторожа садовника, «с тем, чтобы иметь ему постоянный надзор за

сохранением в целости бульвара и насаждения на нем деревьев, а в летнее время на бульваре вести надлежащую чистоту, наблюдать за деревьями, в сухое время поливать, а неотродившиеся уничтожать, и подсаживать новыми деревьями; словом, все работы за исправным состоянием бульвара и за сохранением оного». Жалование этому сотруднику, должность которого занял отпускной рядовой Скороспелов, определено в 75 р. в год.

С 1870 г. размер ассигнованной на содержание бульвара суммы повышается до 100 р. в год, из коих 75 р. идут на жалование сторожу, (с 1871 г. – жалование увеличено до 84 р.), а остальные на песок, его подсыпку и проч. Однако, этой суммы совершенно не достаточно для поддержания бульвара в порядке и с 1873 г. на эту цель ассигнуется уже по 250 р. в год, которые и расходуются целиком за редкими (л. 6) исключениями, когда расходуются меньшие суммы (с 1880 г. – 149 р. 45 к., в 1882 г. – 236 р. 80 к. в 84 г. – 89 р. 54 к.)

Посаженные на бульваре деревья принимались, по видимому, плохо и требовали частой подсадки; так в 1868 г. посажено 970 дер., в 1873 г. – 110 липок, в 1876 г. – 450 липок, 1877 г. – 130 липок – 40 топей, в 1883 г. снова подсаживаются тополи. По первоначальному плану, видимо, имелось в виду бульвар обсадить липами; при устройстве бульвара насаживались липы, в первые годы подсаживали так же липки, но затем с 1877 г. наряду с липками подсаживаются и тополи; в дальнейшие годы так же продолжают подсаживать тополи и березы, оставив почти совсем подсадку лип, признав их очевидно менее удобными, чем тополи, более неприхотливыми и быстрее принимающимися.

Однако, несмотря на расходы на поддержание бульвара, последний, видимо, не имел вполне благоустроенного вида и требовал дальнейших работ по устройству и приведению в порядок. Для приведения бульвара в должный и исправный вид, Думой была избрана особая комиссия, которая в 1886 г. и приступила к работам по улучшению бульвара. Весной были отремонтированы бульвар от Благовещенской до Никольской ул., подсыпана земля около деревьев, края бульвара уложены дерном, посажено 162 тополя и сделано по всему бульвару 20 скамеек и 63 тумбы. На эту работу израсходовано 238 р. 29 к. В представленном в Думу заявлении комиссия считала необходимым продолжить неоконченные работы, указывая, что после окончания ремонта бульвар, приобретет должный вид, и в дальнейшем потребует незначительных сумм на поддержание. Дума утвердив расход 238 р. 29 к., ассигновала еще 150 р., выразив благодарность членам бульварной комиссии А.А. Титову И. Н. Фомину и П.С. Чистякову (Журнал заседаний Думы от 11 июня 86 г. п. 5). На дополнительные ассигнования была отремонтирована часть бульвара от Никольской улицы до окончания.

В том же 1886 г. церковный староста и церковнослужители Николоворжищенской церкви обратились в Думу с заявлением об устройстве по случаю тонкости улицы бульвара (л. 6 об.) по Покровской ул. от дома Казарм местной уездной команды до церкви, для более удобного прохода с похоронными процессиями. Дума признала заявление заслуживающим уважения, постановила поручить членам бульварной Комиссии устройство бульвара к Никольской церкви и ассигновала 350 р. Бульвар в том же году был проведен, при чем на устройство его, посадку деревьев и устройство скамеек было истрчено 326 р.

В том же 1886 г. интенсивном по бульварному строительству Ростова был проведен бульвар от церкви Благовещенья до вокзала, большая часть которого (от вокзала до площади перед церковью Благовещенья) сохранилась до настоящего времени в виде лишь нескольких отдельно с значительными перерывами стоящих деревьев. Работа стоила 500 р.

В 1887 г. новые бульвары ремонтировались, на Николоворжищенском бульваре, подсаживались липки.

В 1888 г. устроен еще новый бульвар от Покровской к Каменному мосту, против Дмитриевской богадельни и казарм.

В 1889 г. проводился еще бульвар «от балагана Мордашева, через Окружную площадь до Окружной улицы». В этом же году доводится Окружной бульвар, наконец, до назначенного при начале бульварных работ конечного пункта, до Ярославской улицы. Новые бульвары Благовещенский (к вокзалу) и (к городу) Николоворжищенский и Покровский требуют подсадки, подсаживаются липы и березы.

РФ ГАЯО. Ф. Р-1333. Оп. 1. Д. 12. Иванов П.С.

**

¹ РФ ГАЯО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2615. Документы о проведении ревизии городского хозяйства чиновником Министерства внутренних дел 1849 – 1851. Л.62.

Чиновника командированного Г. Министером Внутренних дел для ревизии хозяйственного и общественного устройства в городах Ярославской губернии 7 апреля 1850 г. № 788. г. Ростов.

В Ростовскую Городскую Думу
Необыкновенная грязь, покрывающая улицы и площади Ростова и скопление воды в канавах – заставляют предполагать, что в городе не имеется водоточных труб, необходимых для осушения улиц. Без этого предварительного осушения самое мощение, по моему мнению, не может быть прочно.

Поэтому прошу Думу сообщить мне следующие сведения:

- 1) Было ли это обстоятельство прежде в виду Думы и не устроена ли где таковая труба?
- 2) Признает ли Дума с своей сторон это предложение полезным? Сколько по мнению Думы могло бы стоить устройство этой трубы хозяйственным образом под наблюдением Думы? Где надлежит провести трубы? Во сколько

ко лет может исполниться эта работа? Словом Дума обязывается доставить мне по этому предмету свои подробные соображения

Надворный советник Аксаков
Л. 63- 63 об. Ростовская Градская Дума 2 мая 1850 г. № 656

На отношение Вашего Высокоблагородия от 7-го истекшего Апреля за № 788, Градская Дума честь имеет уведомить, что обстоятельство относительно осушения города было давно уже в виду Думы, ибо она еще в мае мце 1830 г. представляя Господину начальнику Губернии, вследствие предписания его от 22-го Апреля того года, сведение о положении города Ростова и о способах приведения оного в благовидное состояние, между прочим писала, что для осушения города необходимо нужно сделать канавам устроенным в улицах единообразный план и посредством опытного в нивелировке чиновника провести стоки из оных воды в озеро; но на это предположение разрешения не последовало, а потому Дума и ныне признает полезным устройство труб для стока воды, но где их провести, каким образом, сколько будет стоить это устройство и во сколько времени может исполниться эта работа Дума определить этого не может ибо тут требуется искусство, основанное на правилах науки.